

Элитный отряд

Добро пожаловать на Таласс!

Наталья Прохорская

Элитный отряд

Наталья Прохорская

Добро пожаловать на Таласс!

«Автор»

2026

Прохорская Н.

Добро пожаловать на Таласс! / Н. Прохорская — «Автор»,
2026 — (Элитный отряд)

Добро пожаловать на планету Таласс! Здесь смерть отступила перед технологиями долголетия, а прогресс позволил развиваться городам-утопиям. Дана — выпускница престижной академии, чья ДНК была модифицирована ради одной цели: защиты этого совершенного общества. Впереди её ждет служба в элитном отряде и борьба с инопланетными захватчиками, которые когда-то уже лишили человечество родного дома. Но за сияющим фасадом идеального мира скрывается пугающая изнанка. Дана предстоит столкнуться не только с внешним врагом, но и с тенями собственного прошлого. Какую цену Таласс платит за свое благополучие? И готова ли она сама стать этой ценой?

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Праздник семьи и единства	6
Глава 2. Проклятые кхтары, чтоб их	22
Глава 3. Раны затянутся, обиды останутся	38
Глава 4. Единение с матушкой природой	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Добро пожаловать на Таласс!

Часть 1

Глава 1. Праздник семьи и единства

Выскользнув из душевой в облаке влажного пара, Дана плотнее прижала к груди полотенце и лёгкой тенью скользнула по коридору. Она надеялась остаться незамеченной, но мать, хоть и была поглощена плетением сложной косы для Вилоры, сидела вполоборота к двери и сразу уловила движение.

Селёна посмотрела на Дану с толикой снисхождения, и в этом её взгляде смешивались разочарование и безысходность. Но она промолчала и лишь вздохнула, наверное, уже смирившись с тем, что Дану она не исправит.

Другое дело Вилора. Сестра-двойняшка Даны сидела, не шевелясь и, стиснув зубы, безропотно терпела все мучения, пока её волосы укладывали в тугой венок. Старшая из дочерей, Ульрика, уже была полностью готова. Облачившись в красный праздничный наряд с высоким глухим воротом, она теперь помогала матери собирать Аксинью — самую младшую из сестёр.

Запершись в своей комнате, Дана шумно выдохнула. Не теряя драгоценных минут, она скользнула в белоснежное платье, которое мать бережно выгладила накануне вечером, кое-как пригладив влажные пряди ладонями и поспешила в общую гостиную.

Все уже ждали её. На фоне причёсанных, нарядных сестёр Дана выглядела нелепо: босая, со спадающими на плечи мокрыми волосами. В гостиной повисла тишина. Мать на мгновение замерла, не выпуская из рук деревянный гребень, и окинула дочь долгим, оценивающим взглядом. Ульрика сочувственно улыбнулась, а маленькая Аксинья робко дёрнула старшую сестру за край подола.

— И почему я не удивлена? — тихо, без злости спросила мать.

Дана хотела было ответить: оправдаться или, наоборот, съязвить, но слова застряли в горле. Она понимала, что уже через несколько минут им нужно выходить, а её вид полностью разрушает ту безупречную картину семейного единства, которую мать так старательно выстраивала с самого утра. Сушить волосы было уже поздно. Схватив со стола атласную ленту, Дана попыталась хоть как-то совладать с непослушными прядями.

— Мы сейчас всё исправим, — вмешалась Ульрика, стараясь разрядить обстановку.

Подозвав сервисного робота, она направилась к сестре. Было заметно, с каким трудом ей даётся каждый шаг. С каждым днём она становилась всё тяжелее и неповоротливее.

— Ты уверена, что тебе действительно сто́ит ехать? — с тревогой спросила Селена, покосившись на внушительный живот старшей дочери. — В твоём положении это безопасно?

— Мам, доктор сказал, что поводов для беспокойства нет, — мягко ответила Ульрика. — С малышом всё в порядке. К тому же я буду отдельно от вас, в специальном секторе для беременных.

Но её слова мало кого успокоили. В этот момент за Ульрику тревожилась не только мать. Это гнетущее волнение разделяли абсолютно все.

В гостиной снова повисло натянутое молчание. Сервисный робот послушно выдвинул из бокового отсека фен, зажимы и фиксаторы. Дана кожей чувствовала пристальные взгляды сестёр. Даже крохотная Аксинья перестала вертеться, словно тоже осознавая важность момента.

Ульрика взяла расчёску, и её пальцы уверенно заскользили по влажным волосам Даны. За считанные минуты ей предстояло сотворить маленькое чудо: превратить хаос на голове сестры в подобие элегантной причёски.

— Идите, мы вас догоним, — уверенно сказала Ульрика, не отрываясь от работы.

Селена кивнула и поспешила к выходу. Акси́нья тут же шмыгнула следом. Вилора осталась на пороге. В этот знаменательный для них обеих день она вовсе не собиралась оставаться без поддержки своей двойняшки.

— Вили, иди уже, — поторопила её Дана.

— Ну уж нет. Лучше опоздаю, чем приеду туда без тебя.

— Всех достойных женихов разберут! — донёсся с улицы голос матери. — Придётся выбирать из оставшихся.

Вилора мгновенно залилась густым румянцем. Со стороны это можно было принять за обычное волнение перед важным выходом, но Дана едва сдержала смех. Она единственная в семье знала, что у сестры уже несколько месяцев есть воздыхатель. Более того, Дана лично сопровождала Вилору на каждую встречу с ним, выступая верным прикрытием.

Родителям эти отлучки преподносились как невинные совместные прогулки. Разумеется, никто не собирался докладывать им о встречах Вилоры с парнем. Стоило правде выплыть наружу, и разразился бы грандиозный скандал. Подобное поведение не просто нарушало правила, оно выходило за все рамки приличия.

Досталось бы всем: Вилоре — за легкомыслие, Дана — за соучастие. Но больше всего было бы жаль самого парня. Ему почти наверняка прилетел бы выговор с занесением в личное дело.

Вилора вся подобралась, но не сдвинулась с места. Дана почувствовала, как пальцы Ульрики у неё на голове задвигались быстрее: та явно торопилась.

— Девочки, вы скоро? — донёсся с улицы голос отца.

Селена укоризненно посмотрела на двойняшек и, взяв Акси́нью за руку, пошла навстречу мужу.

Стоило ей скрыться из виду, как Ульрика внезапно охнула и инстинктивно схватилась за живот. Её лицо на мгновение исказилось от боли, но, заметив испуганные взгляды сестёр, она тут же заставила себя улыбнуться.

— Малыш пинается, — тихо произнесла она.

Но если Дана ещё могла поверить в это оправдание, то Вилору обмануть было невозможно. Она мгновенно оказалась рядом, осторожно положила ладонь на большой живот Ульрики и замерла.

Вилора сделала это вовсе не из праздного любопытства. Задействовав свои способности, она попыталась «считать» состояние сестры и нащупать ту тонкую грань, за которой обычные толчки младенца перерастают в настоящую угрозу. Сосредоточившись, Вилора мысленно проследила пульсацию кровотока, связывающего мать и ребёнка. Ей во что бы то ни стало нужно было понять, может ли Ульрика ехать на мероприятие или её уже давно пора везти в больницу.

Сама Ульрика словно не замечала этой безмолвной проверки. Лишь на мгновение прикрыв глаза, она тихо вздохнула и вновь занялась причёской Даны, бережно продолжая заплетать её белоснежные волосы в косу.

— Девочки, вы скоро? — раздался в дверях голос отца.

В тот же миг Вилора выпрямилась, убирая ладонь с живота сестры. Натянув улыбку, она обернулась:

— Да, папулечка, уже идём, — и тут же одарила Дану быстрым, полным скрытого раздражения взглядом.

Отец уже стоял на пороге и не упустил этого безмолвного обмена взглядами. Его брови удивлённо поползли вверх, когда он перевёл взгляд на Дану:

— Ты тоже едешь? Разве тебе не должны искать жениха отдельно? Насколько я знаю, у мутантов свои порядки.

В комнате мгновенно воцарилась удушливая тишина. Замерла даже Ульрика. Её пальцы так и застыли, сжимая кончик недоплетённой косы.

— Она едет, чтобы поддержать меня, — нарушила молчание Вилора и, отсекая любые возражения, отчеканила: — Без неё я никуда не поеду.

— Но к чему тогда белое платье? — не отступал отец.

Дана медленно подняла на него глаза.

— Правила не запрещают мне явиться на праздник в образе невесты, — холодно парировала она.

Отец застыл, пристально вглядываясь в дочь. Мимолётное добродушие исчезло с его лица так стремительно, словно его там никогда и не было.

— В таком случае поторапливайтесь, — сухо бросил он.

И хотя его слова предназначались всем присутствующим, Дана отчётливо понимала: этот резкий, ледяной тон был адресован исключительно ей.

На площади было полно народу.

Вилора вышла из аэрокапсулы и в первое мгновение растерялась так сильно, что едва не шагнула обратно. Плотный воздух над посадочными платформами дрожал от полуденного зноя и сотен взволнованных голосов, а белые платья невест сливались в бескрайний ослепительный покров. Вилоре безумно захотелось развернуться, отыскать в толпе фигуру отца и взмолиться, чтобы он забрал её домой, прямо сейчас, пока не началось нечто непоправимое.

Но Дана подросла вовремя. Властным жестом она подхватила сестру под руку и увлекла за собой в самую гущу нарастающего хаоса.

— Дыши глубже, — негромко скомандовала она. — Ты выглядишь так, будто тебя ведут на казнь.

Вилора невольно позавидовала уверенности сестры. Дана всегда держалась так, будто весь этот мир спроектировали исключительно ради того, чтобы она могла шествовать по нему с неизменной торжествующей улыбкой.

Они влились в поток девушек, облачённых в одинаковые, режущие глаза белизной платья. Вилора, кажется, уже в десятый раз за утро активировала коммуникатор, чтобы проверить статус запроса. Строка с именем жениха по-прежнему висела в режиме ожидания.

Стёфан. Одно только имя заставило её сердце болезненно пропустить удар.

— Всё пройдёт идеально, даже не думай сомневаться, — произнесла Дана, заметив, как побелели пальцы сестры, судорожно сжавшие корпус коммуникатора.

— А если он отклонит запрос? — Вилора с трудом сглотнула сухой ком, вставший в горле. — Что, если выберет другую?

— Значит, я лично оторву ему голову, — совершенно буднично пообещала Дана и заговорщически подмигнула.

Любая другая девушка на месте Вилоры наверняка залилась бы краской смущения, а дамы постарше непременно одёрнули бы Дану за nepозволительную дерзость. Но Вилора давно привыкла к её эксцентричным шуткам. Именно этот напускной цинизм помогал сейчас сдерживать слёзы.

Вилора огляделась.

Церемонию по традиции проводили на арене под открытым небом, который сегодня превратился в алтарь для сотен пар, решивших скрепить себя узами брака. Помост, где теснились невесты, был выложен светлым плитняком — местным пористым минералом, казавшимся ослепительно-белым под лучами солнца.

Вокруг арены взмывали вверх многоярусные трибуны. Нижние сектора были защищены прозрачными перегородками: там, в регулируемых креслах, расположились женщины в красном.

Фасоны их нарядов разнились: от струящихся туник до платьев со сложными складками и строгих брючных костюмов, но оттенок ткани оставался строго регламентированным. На Талассе красный цвет являлся не просто украшением. Он обозначал статус женщины, ожидавшей ребёнка.

Вилора поморщилась. Красный цвет ей никогда не нравился. Она старалась не думать о том, что совсем скоро он может стать обязательным и для неё.

Сейчас она искала на трибунах совсем другую поддержку. И нашла её.

Ульрика устроилась в одной из защищённых лож. Заметив младшую сестру, она тепло улыбнулась и ободряюще помахала рукой. От этого простого жеста у Вилоры отлегло от сердца.

Кто, как не Ульрика, мог разделить её страх? Всего год назад она точно так же задыхалась в белом мареве толпы, а теперь по праву занимала почётное место в красном секторе. Присутствие Даны тоже ободряло, но, поскольку она никого не выбрала, ей не приходилось дрожать в ожидании возможного отказа.

Вилора перевела взгляд выше, на синие трибуны. Мать не пришлось искать долго. Она сидела под тенью навесом, нежно прижимая к себе маленькую Аксинью. По её лицу блуждала искренняя, мягкая улыбка, но обращена она была не к Вилоре, а к малышке, чьи кудрявые волосы Селена плавно перебирала пальцами. Искать там поддержки было бессмысленно.

Мать хорошо заботилась о Вилоре и Дана. У них было всё необходимое: путешествия, лучшее образование, забота и внимание. Вилора даже чувствовала, что ей достаётся чуть больше тепла и ласки, чем Дана, но всегда молчала об этом, боясь задеть сестру.

И всё же им никогда не давали забыть об их происхождении. Женщина, воспитавшая их, была лишь суррогатной матерью, а о биологических родителях Вилора не имела ни малейшего представления. Ей было известно лишь то, что они с Даной развивались в одной утробе, но были зачаты от разных донорских линий. Получалось, что Дана, её двойняшка, фактически не являлась ей кровной родственницей.

— Эй!

Вилора едва не подпрыгнула на месте. Меньше всего ей сейчас хотелось вести пустые беседы. Но большинство свободных сверстниц её круга находились здесь. Те, кто завершил обучение в академиях, получил первичное распределение или подтвердил статус в профессиональных навыках, доказав свою полезность городу, обретали законное право подать брачную заявку.

Вилора нехотя обернулась.

Перед ней стояла Криста, местная красавица, из тех, чью привлекательность окружающие признавали с раздражением. Рыжеволосая, круглолицая, с нежной кожей и мягкими линиями фигуры, она будто была создана для красного сектора. Рядом с ней Вилора ощущала себя болезненно худой. Да и эти сухие волосы цвета потускневшей меди шарма ей не придавали.

Впрочем, Дана выглядела ещё более странно. Глядя на неё, можно было подумать, что в лаборатории над её эмбрионом намеренно поиздевались: кожа с лёгким загаром, белые как мел волосы и голубые глаза. Это были маркеры глубокой направленной мутации — слишком явные, чтобы списать их на каприз природы.

Подобное вмешательство окупалось колоссальными когнитивными способностями, ради которых и создавались такие линии, но Вилора порой задавалась вопросом: почему выдающийся дар должен столь беспощадно вырывать человека из круга обычных людей?

Сама Вилора испытывала тихую благодарность судьбе за то, что генетики сохранили ей естественный медный оттенок волос и россыпь веснушек на переносице — черты, свойственные коренным ветвям человечества. Её глаза имели привычный зелёный оттенок, точь-в-точь

как у матери, Ульрики и малышки Аксины. Возможно, именно это внешнее сходство делало её присутствие в семье более желанным и тёплым, нежели положение Даны.

Однако саму Дану её инаковость ничуть не заботила. На её лице то и дело вспыхивала улыбка: то открытая и заразительная, то лукавая, словно она прямо сейчас замышляла авантюру на грани нарушения законов Таласса. В отличие от остальных невест, она видела в церемонии не пугающий рубеж жизни, а лишь захватывающее зрелище, которым можно наслаждаться.

Вилора часто думала, что, даже если бы все претенденты планеты разом отвергли Дану, та лишь рассмеялась бы им в лицо. В этой несокрушимой внутренней свободе и крылось её главное очарование. Вопреки пугающим деталям фенотипа, бьющая через край жизненная энергия Даны была столь притягательной, что люди мгновенно забывали о её пугающей чужеродности.

— Вы уже определились с кандидатурами? — небрежно поинтересовалась Криста. — Я на всякий случай резервировала пятерых.

— Пятерых? — ахнула стоявшая неподалёку девушка. Вилора не сразу вспомнила её имя — кажется, её звали Ассоль.

— И очень разумно, — поддержала разговор другая невеста. — Я тоже отправила запросы троим женихам. Глупо рисковать. Откажет один, останутся другие. Зато уже к вечеру ты станешь законной супругой, а не вернёшься домой ни с чем.

У Вилоры перехватило дыхание. Земля качнулась под ногами, а белые силуэты невест слились в сплошное белое море. Дана незаметно, но ощутимо уцепилась за сестру под локоть, возвращая ей самообладание.

— Ты как? — негромко спросила она.

— Я... — Вилора судорожно втянула воздух. — А если Стефан откажет? Наверное, мне тоже следовало подстраховаться и внести в список резервных кандидатов...

— Прекрати панику, — оборвала её Дана. — Ваши тесты на совместимость зафиксировали результат выше семидесяти процентов. По меркам Совета, этого более чем достаточно для создания устойчивой семьи.

— Тесты — это не сердце, Дана.

Дана посмотрела на неё со смесью снисхождения и лёгкой грусти, но предпочла промолчать.

В этот момент Криста активировала проекционный экран своего коммуникатора, демонстрируя карточки выбранных женихов. Девушки тут же жадно придвинулись ближе. И среди лиц кандидатов Вилора увидела Стефана. Её сердце замерло, пальцы мгновенно онемели. Всё было кончено.

Теперь Стефан — её Стефан, с которым они ещё совсем недавно строили робкие планы, — увидит, что на него претендует Криста, и сделает очевидный выбор. Разумеется, он предпочтёт её. А Вилора останется отвергнутой, заклеянной одиночеством на целый долгий год до следующего праздника семьи и единства.

В глубине души со стыдом она признавала, что совершила самую страшную ошибку. Она влюбилась.

По законам Таласса такое считалось недопустимым. До официальной верификации союзов строжайше запрещались тайные свидания, встречи с противоположным полом и тем более ночные прогулки у озёр. Но кто в их возрасте, когда кровь буквально бурлит в жилах, станет добровольно подчиняться этим закоснелым догмам?

— Фу, какой он нескладный, — поморщилась Ассоль, небрежно коснувшись пальцем голографического портрета Стефана.

— Не судите поверхностно, девочки, — наставительно изрекла Криста и понизила голос до шёпота. — До меня дошли конфиденциальные сведения, что он числится в списках кандидатов в элитный отряд.

Она внезапно осеклась и испуганно прикусила губу, бросив быстрый взгляд на Дану. И не зря. Дружелюбная маска мгновенно слетела с её лица.

— Надеюсь, это не более чем слухи, — ровно отчеканила Дана.

Её тон стал пугающе холодным, а от прежнего веселья не осталось и следа.

Публичное обсуждение элитного отряда и его личного состава порицалось законом. На Талассе существовали мрачные тайны, о которых знали абсолютно все, но которые никто и никогда не осмеливался озвучить.

— Прости, не бери в голову, — поспешно залепетала Криста. — Конечно, это просто пустые сплетни. Но чисто внешне он выглядит... ну... как один из твоих...

Раньше Вилора никогда об этом не задумывалась.

Когда они со Стефаном укрывались от чужих глаз глубокой ночью на побережье озёр, он казался ей самым обыкновенным парнем. Привычные медные волосы, веснушки, рассыпанные по скулам и запястьям... Большого она и не стремилась разглядеть. Он неизменно одевался строго, в закрытые ткани, как и предписывал кодекс скромности мужчинам, уважающим личные границы женщин. Стефан никогда не позволял себе лишнего. Лишь однажды он взял её за руку, а затем так долго и путано извинялся, что Вилора едва сдерживала улыбку.

То была их последняя тайная встреча. О следующей они условились уже в качестве законных супругов.

— И что же с ним не так? — с нажимом спросила Дана.

К облегчению Вилоры в голосе сестры сквозило неподдельное замешательство. Если бы Дана располагала сведениями о службе Стефана в элитном отряде, она бы непременно уберегла её от этой заявки. Впрочем, Дана никогда не делала тайны из того, что ещё не успела изучить в лицо весь состав новобранцев.

— Он... чересчур высокий и худой, — Криста неуверенно пожала плечами.

После подобного заявления Кристе следовало бы со стыдом покинуть церемониальную площадь. Публичное обсуждение анатомических особенностей мужчин на Талассе расценивалось как вопиющий цинизм и невоспитанность. К счастью для Кристи, её малодушный лепет расслышали лишь единицы.

— Ты что, следила за ним? — подозрительно прищурилась Дана.

Вилора едва не задала тот же вопрос.

В её душе мгновенно зашевелился ядовитый червь сомнения. Что, если она была лишь одной из многих? Что, если Стефан точно так же тайно водил по ночам Крису или других претенденток к озёрам, нашёптывая им те же сладкие клятвы? Что, если его безупречная скромность — лишь отрететированная маска опасного манипулятора?

Может, аннулировать запрос прямо сейчас? Пока система ещё позволяет внести изменения. Выбрать любого другого, абсолютно безразличного ей человека и спастись от позора.

— Откуда такие познания о его росте? — продолжала давить Дана. — Где именно ты его видела?

Криста заметно побледнела. От её былой уверенности не осталось и следа, а на щеках проступил румянец.

— Я присутствовала в академии вместе с братом на его выпускной аттестации, — неохотно выдавила она. — Там среди курсантов я и заметила этого парня. Спросила у брата, кто он такой. Брат ответил.

— Ясно, — холодно процедила Дана.

В этом «ясно» будто звучало: на сегодня ты сказала достаточно. Криста всё прекрасно поняла и замолчала.

Впрочем, продолжить разговор им всё равно бы не позволили. Над ареной пронёсся вибрирующий низкочастотный сигнал. Звук был столь протяжным и глубоким, словно сама почва под плитняком отозвалась натужным гулом.

На залитые золотом высокие трибуны чинно вышли члены Совета.

Над площадью прокатился низкий звук, и в толпе мгновенно воцарилась тишина. К золотой трибуне поднялась немолодая женщина — представительница Совета. Сама трибуна возвышалась на отдельном помосте, а её благородный цвет издали заявлял об особом статусе: подниматься сюда позволялось лишь членам Совета, командирам элитных войск и главам ключевых ведомств Таласса.

— Граждане Таласса. Наше юное поколение. — Голос советницы звучал почти гипнотически.

Дана знала, что никакого чуда здесь нет. За чистоту звука отвечал скрытый аудиомодулятор. Он улавливал голос советницы, отсекал лишние шумы и возвращал его толпе очищенным, переведённым на субсенсорные частоты, способные воздействовать не столько на слух, сколько прямо на подсознание.

— Мы рады приветствовать вас на празднике семьи и единства, — продолжала советница. — В этот великий день мы чествуем наши главные столпы и склоняем головы перед мудростью предков. Именно их верность избранному пути позволила нам сохранить то, что делает общество Таласса нерушимым: нас, людей и союзы, которые мы заключаем.

Она плавным жестом указала на ряды невест в белых платьях. На фоне плит из светлого минерала, которыми по случаю торжества устилали главную площадь, они казались замершими мраморными изваяниями.

— Сегодня перед всем Талассом вы создаёте новую семью. От того, кого вы выберете себе в спутники жизни, зависит, какой будет ваша семья и каким будет следующее поколение. Помните: брак — это серьёзный и ответственный шаг, а не мимолётное решение.

Следом на трибуну поднялся седовласый старейшина. Его речь тоже пропускали через аудиомодулятор, но даже совершенные технологии не могли вдохнуть жизнь в монотонное, сухое чтение, больше похожее на скучную лекцию.

Дана слушала вполуха. Нейроакустические волны на неё не действовали: она легко блокировала их своими способностями. Она оставалась равнодушна к тому восторгу, который постепенно расцветал на лицах стоявших рядом девушек. Даже Вилора — и та смотрела на трибуну блестящими глазами, послушно кивая каждому слову старика, словно тот открывал ей тайны мироздания.

Дана стояла неподвижно, как и подобало образцовому бойцу элитного подразделения и гражданке, не желающей привлекать к себе лишнего внимания. Но внутренне она уже вела обратный отсчёт.

Разговоры о священном долге её не трогали. Заводить семью по расписанию Совета Дана не планировала. Если бы не Вилора, которой требовалась поддержка, она бы вообще проигнорировала церемонию, оставшись дома перед экраном транслятора.

Внезапно запястье кольнуло короткой вибрацией. Дана сперва подумала, что сработал коммуникатор Вилоры, но сигнал шёл от её собственного устройства.

Вилора заметила это сразу. Её глаза удивлённо округлились.

— Ты всё-таки подала заявку? — одними губами спросила сестра.

— Нет, конечно, — также беззвучно ответила Дана.

Странно, что Вилора вообще подумала об этом. Похоже, предсвадебная лихорадка напрочь вытеснила из её головы любые другие поводы, по которым Дана могли прислать экстренное уведомление.

Первым делом Дана с тревогой взглянула в сторону красных трибун. Там в глубоких, мягких креслах, восседали будущие матери. На Талассе каждая беременная женщина почиталась как королева и окружалась абсолютной заботой.

Убедившись, что со старшей сестрой всё в порядке, Дана перевела взгляд на собственный коммуникатор и активировала дисплей. С экрана на неё мигал красный маркер срочного вызова из штаба элитных войск.

Дана мысленно выругалась и виновато посмотрела на Вилору.

— Мне нужно идти, — прошептала она. — Срочный вызов.

— Только не сейчас! — в отчаянии прошептала Вилора.

— Приказ. Я должна явиться немедленно. Прости.

— Тише вы, — резко оборвала их стоявшая рядом Ассоль.

Ей было безразлично, что случилось у Даны. Во время речи советника разговоры запрещались. Правила следовало соблюдать.

В глазах Вилоры блеснули слёзы.

Дане стало больно от этого взгляда, но характер сигнала на дисплее не оставлял выбора. С таким приоритетом сообщения не рассылали из-за пустяков. Праздник могли свернуть в любую секунду, и тогда вместо брачных процессий над городом поднялись бы гравитационные платформы, уводящие жителей к подземным убежищам.

Дана подняла глаза на трибуну Совета. Советники уже получили информацию. Это выдавали их быстрые взгляды и нервный шёпот за спиной оратора, который всё так же монотонно вещал о ценности семейного очага.

Но общий сигнал тревоги не прозвучал. Значит, праздник пока не останавливали. Пока.

Дана уже собиралась отступить к краю арены, покинуть площадь и добраться до служебной посадочной зоны, где её должен был ожидать транспорт элитного подразделения. И в этот миг прямо в своей голове она услышала чужой голос.

Стефан не находил себе места. Пожалуй, он волновался сильнее всех остальных, и это выдавали предательская дрожь в пальцах, лихорадочно блуждающий взгляд и резкие, порывистые движения. Ему никак не удавалось совладать с собственным телом: он то поднимался, меряя шагами тесное помещение, то снова опускался на скамью и начинал нервно качать ногой.

— Слышь, уймись уже, — Тамерлан бесцеремонно ткнул его локтем под ребро.

— А если на меня никто не подал запрос? — спросил Стефан упавшим голосом.

— Да брось, — Тамерлан ободряюще хлопнул его по плечу. — Девчонки всегда хитрят: отправляют заявки на максимально допустимое число кандидатов. Мы ведь тоже имеем право отклонить предложение. Вот дамы и перестраховываются, чтобы не попасть впросак.

— Они ещё не дамы... — глухо отозвался Стефан.

Слова лучшего друга не принесли облегчения. Напротив, тревога сделалась лишь острее. Стефан не мог вынести даже мысли, что Вилора могла предпочесть ему другого или хотя бы на мгновение усомниться в своём выборе.

Последний раз они виделись на днях вечером. Понимая, что до торжества встретиться им уже не удастся, они договорились объявить о своём решении на самом празднике, в присутствии гостей.

Стефан никому бы в этом не признался, но в тот вечер он не удержался и заглянул в разум Вилоры. Это было строжайше запрещено. Он не имел на это права ни по законам Таласса, ни по совести. Узнай об этом сама Вилора, она, скорее всего, никогда бы больше не захотела его видеть.

Стефан прислонился к стене и попытался выровнять дыхание.

Зал под трибунами считался просторным, но сейчас он казался удушающе тесным из-за сотен парней, ожидавших своей участи. Девушкам приходилось легче. Они находились наверху, на открытом воздухе, облачённые в лёгкие церемониальные платья. Парни же томились внизу, в спёртом душном воздухе, скованные плотными чёрными костюмами, скрывавшими их лица.

Что за нелепые ритуалы? Кто вообще их придумал? Почему хотя бы здесь, в ожидании, нельзя снять маску и вдохнуть полной грудью?

По залу прокатился гул, когда на главных экранах вспыхнуло изображение золотых трибун. Стефан почти не улавливал тщательно выверенных фраз торжественной речи. Его взгляд блуждал по залу.

Эмоциональный фон вокруг дрожал и плавился. Но сильнее всего ощущался его собственный мандраж. Большинство кандидатов волновалось вполсилы: кто-то ждал начала отбора с азартом, кто-то с ленивым любопытством, другие и вовсе прикрывались показным равнодушием. По-настоящему переживали лишь единицы.

«Вот бы узнать, о чём они думают...» — Он тут же отогнал эту мысль.

Проникать в чужое сознание без веской причины строго запрещалось. За подобное ментальное насилие могли отправить на рудники, и Стефан не имел права рисковать. Не теперь. Тем более он обещал Вилоре, что они всегда будут вместе.

К тому же Тамерлан сразу засёк бы малейшую попытку усилить телепатическое воздействие сверх меры. Такие, как его друг, обладали обострённым чутьём к энергетическим колебаниям и могли мгновенно вычислить источник всплеска.

Стефан вздрогнул, вспомнив, как однажды уже оказался на волосок от провала. Даже теперь по спине пробежал холодок при мысли о том, чем всё могло закончиться. Тогда он был осторожен. Предельно осторожен. И всё же...

Это была очередная прогулка с Вилорой. Её, как обычно, привела сестра — Дана, кажется. По внешности Даны сразу становилось понятно, что генетики из спецподразделения основательно поработали над её ДНК. Стефан предположил, что она тоже принадлежит к элитному отряду, и вскоре убедился в этом, едва коснувшись поверхностного слоя её мыслей. Впрочем, он тут же прекратил попытки проникнуть глубже. Дана могла почувствовать чужое присутствие в своей голове и подать жалобу, за которой последовали бы проверка и, возможно, наказание. Но она либо ничего не заметила, либо решила не подавать виду. Как бы то ни было, после этого случая она всё так же приводила Вилору на их тайные встречи.

Внезапно коммуникаторы Стефана и Тамерлана одновременно завибрировали.

— Уже? — Стефан едва не подпрыгнул, с трудом сдерживая радостный возглас.

Но радость исчезла, стоило ему активировать проекцию дисплея. На панели алым предупреждением светился приказ, отправленный напрямую из штаба элитных войск.

— Твою ж... — Тамерлан тяжело выдохнул.

— И что нам теперь делать? — прошептал Стефан. Он едва сдерживался, чтобы не сорваться на крик.

— Что-что. Выдвигаться, — мрачно буркнул Тамерлан. — Такие директивы не обсуждают.

Они старались не привлекать к себе внимания, но поспешный шёпот во время официальной речи советницы всё же вызвал недовольные взгляды соседей.

— А как же... — Стефан вовремя прикусил язык, едва не выдав имя Вилоры. — Как же наши пары? Что, если нас вызовут, а мы...

Тамерлан не стал гадать. Он решительно поднялся со своего места и направился к куратору сектора.

Тот сидел вполоборота к главному экрану, уставившись в свой планшет с таким видом, словно полученное сообщение только что разорвало в клочья весь регламент священного

праздника. Судя по всему, куратор тоже получил сигнал тревоги и теперь лихорадочно соображал, как незаметно вывести бойцов элитного отряда, не сорвав церемонию окончательно.

На Тамерлана и Стефана начали коситься. Кто-то смотрел на них с праздным любопытством, кто-то с раздражением, а кто-то со скрытой тревогой. Лица парней скрывали маски, но до начала церемонии многие успели обменяться парой фраз, и присутствие бойцов элитного корпуса ни для кого не являлось секретом.

Вслух об этом никто не говорил, однако понять, что происходит нечто серьёзное и явно выходящее за рамки программы, было несложно. И дело было даже не во внезапной суете нескольких присутствующих, а в лице куратора: оно мгновенно осунулось, а в глазах застыл неподдельный ужас.

Стефан воспользовался тем, что друг отвлёк куратора, и настроился на ментальный диапазон Даны. Он уже соприкасался с её разумом раньше, поэтому вычленил уникальную искру её сознания среди сотен других на площади не составило труда.

«Дана, передай Вилоре, что я люблю её».

Транслировать сложные мыслеобразы на такое расстояние он не мог, но короткий эмоциональный импульс ушёл точно по адресу.

Ответная мысль скользнула в его разум мгновенно:

«Без паники. Я что-нибудь придумаю».

Сердце Стефана пропустило удар. Дана не просто ответила. Она не стала блокировать его и даже не отчитала за ментальное вторжение. Это само по себе выбивалось из правил. Но странности на этом не закончились.

Тамерлан вернулся, быстро наклонился к нему и скороговоркой прошептал:

— Передай Дане: пусть её сестра, или кто там эта твоя подруга, будет готова к тому, что вашу церемонию перенесут до завершения задания.

— Что? — Стефан удивлённо вскинул голову. — Такое возможно?

— Если куратор завизирует наше участие в обряде до отбытия — да. Живее, не стой столбом. Нам надо торопиться.

Он бесцеремонно схватил друга за плечо и потянул к эвакуационному выходу. Стефан шёл послушно, но словно в тумане. Он до сих пор не мог осознать масштаб происходящего и то, почему боевая задача требовала такой спешки. В этот момент для него не существовало ничего важнее сорванного брака, но поделать он ничего не мог.

Они быстро миновали полутёмный технический коридор и вынырнули из подтрибунных помещений у самого края арены. Возле ворот их уже поджидал служебный транспорт.

«Проклятый телепат», — выругалась про себя Дана.

Она не знала наверняка, прощупывает ли Стефан её разум прямо сейчас. Скорее всего, нет, но в мыслях, даже самых мимолётных, следовало соблюдать осторожность.

Подхватив сестру под локоть, Дана увлекла её за собой, прочь от толпы. Они отошли к самому краю арены, в тень чёрных трибун, где их голоса могли легко затеряться в общем гуле.

— Твоё обручение со Стефаном откладывается, — тихо произнесла Дана.

Дане меньше всего хотелось огорчать сестру. Положение и без того складывалось скверное. Поставив себя на место Вилоры, Дана попыталась представить, как сама поступила бы в подобных обстоятельствах. Сестра же держалась на редкость стойко, с достоинством сглатывая подступившие слёзы.

— Почему? — спросила она. Голос её дрогнул.

— Видишь ли, мы отправляемся на задание... — Дана осеклась.

— «Мы»? — Вилора прищурилась. — Он тоже из элитного отряда? Как ты?

— Да.

— И ты не могла сказать мне раньше?

— Я сама узнала только что.

Дана тяжело вздохнула и тут же пожалела об этом. В виски будто вогнали раскалённую иглу. Окружающий мир качнулся, подёрнувшись багровой пеленой. Стиснув зубы, она едва заметно пошатнулась.

Гнев во взгляде Вилоры мгновенно сменился испугом.

— У тебя кровь из носа! — испуганно воскликнула она.

Дана коснулась верхней губы. На пальцах остались алые разводы.

— А ещё он телепат, — тихо добавила Дана. — Так что у тебя пока есть время подумать, нужно ли тебе такое счастье.

Она уже развернулась, собираясь уйти, когда сквозь общий шум пробился знакомый голос:

— Дана, что ты опять натворила?

Отец говорил в своей привычной обвиняющей манере, словно уже вынес ей приговор. Его коренастая фигура отделилась от тени чёрных мужских трибун и направилась напрямик к ним.

— Мне пора, — сухо сказала Дана.

Ей не хотелось ни оправдываться, ни даже просто смотреть на него. Привычный с детства знакомый страх на мгновение сковал спину ледяным панцирем, заставив Дану опустить взгляд.

Отец остановился рядом с Вилорой. Дана не смотрела на него прямо, но почти физически ощущала его взгляд. Когда же она заставила себя поднять голову, то с изумлением увидела в его вечно холодных и осуждающих глазах странную смесь снисхождения и несвойственной ему жалости.

— Удачи, — негромко произнёс он.

— Возвращайтесь живыми, — прошептала Вилора.

Дана всё же обернулась.

Высоко над горизонтом, там, где обычно мирно сияли кольца газового гиганта, полыхало яростное грязно-рыжее зарево. Небо Таласса словно исходило кровью. Раскалённые обломки сыпались бесконечным метеоритным дождём, вспыхивая на невидимой границе энергетического щита и осыпаясь по нему быстро гаснущими искрами.

Ударные волны вязли в силовых полях, не достигая поверхности планеты. До города доносился лишь глухой, утробный рокот, похожий на ворчание далёкой грозы. Энергетик, который держал щит, пока справлялся. Пока.

Но даже сквозь пелену дыма было видно, как дрожит щит. По мерцающей поверхности разбегались тонкие световые трещины. Они мгновенно затягивались, чтобы в следующую секунду вспыхнуть вновь. С каждым новым ударом рыжее пламя над горизонтом разгоралось всё шире.

Дана рванулась с места, переходя на бег. Если щит рухнет, Таласс превратится в поле боя задолго до того, как десантные челноки успеют оторваться от пусковых платформ.

Никто не воспринял угрозу всерьёз. По крайней мере, в первые минуты. Столь крупного удара не случалось уже давно. Сменилось поколение, и всё это время стояла тишина, вернее, затишье, длившееся до сегодняшнего дня.

Пока катастрофы не произошло. Планетарные щиты ещё держались. А вот корабли, оказавшиеся за периметром, уже нет. Как и те, кто находился на их борту.

Солдаты элитного подразделения, заступившие на смену, уже выматывались. Тех, кого срочно подняли с выходного, всё ещё не было. Виной тому оказался праздник. Многие находились на церемониях и добирались с разных концов материка.

— Ну как они могли выбрать именно этот день? — не унимался Адехен, меряя шагами капитанский мостик. — Священный день семьи и единства! Один из важнейших праздников на Талассе. Мы ведь тоже могли ударить по ним во время их ритуалов. Что там у них на очереди?

— Подношение какому-то божеству, — ровным тоном напомнила Наньехи, не отрывая взгляда от тактической схемы.

— Вот именно. Мы не трогаем их божество, — раздражённо бросил Адехен. — А они срывают нам церемонии.

— Щиты подняты. Всеобщую эвакуацию пока не объявляли.

Наньехи говорила ровно, и эта холодность злила капитана сильнее любого прямого возражения.

— А те, кто держит эти щиты, долго ещё протянут?

Она промолчала. Ответ был очевиден: уже нет.

Именно поэтому пришлось выволить бойцов с праздника. Наверняка кто-то из них сегодня собирался связать свою судьбу с любимым человеком.

— Им разрешат провести церемонию позже, — Наньехи безучастно пожала плечами.

Её равнодушие задело Адехена. Неужели она не понимала, как важен для них этот день? Миг, когда ты на виду у всех произносишь клятвы, а после проводишь ночь с тем, кто стал твоей второй половинкой.

Но Наньехи была непреклонна в своём одиночестве. Она сознательно отказалась от создания семьи, не желая брать на себя ответственность за чужую жизнь. Это был её осознанный выбор.

А у тех, кого сейчас выдернули с праздника из-за внезапной атаки, выбор тоже был. По регламенту Совета боец элитного подразделения мог отклонить экстренный вызов в особые дни: в день рождения первенца, в День семьи и единства или в дни скорби, ну или по стоянию здоровья.

И всё же не отказался никто.

Адехен чувствовал гордость за своих людей. Да, они задержались в пути, возможно, на мгновение растерялись, но вся пятёрка уже прибыла на десантном челноке. Четверо из них пожертвовали собственным счастьем, чтобы уберечь родную планету от вторжения этих...

Капитан стиснул зубы, обрывая мысль на полуслове. В прибывшей группе был телепат. И хотя устав строго запрещал сканировать разум сослуживцев, Адехен прекрасно знал, что в боевой обстановке этими правилами охотно пренебрегают, из-за этого он чувствовал ответственность не только за приказы и поступки, но и за собственные мысли.

Прозвучал сигнал стыковки. Наньехи мгновенно скользнула к панели управления.

— Шаттл в шлюзовой камере. Давление в норме, герметичность контура не нарушена, — доложила она. — Капитан, жду вашего приказа.

— Открывай.

Адехен поправил жёсткий воротник парадного кителя. Кожа под воротником шелушилась и предательски зудела. Воздух на мостике казался спёртым и горячим, хотя система вентиляции работала на полную мощность.

Он вновь склонился над тактическим экраном. Их линкор пока оставался в резерве, за пределами основной зоны боевых действий, но вскоре им предстояло сменить на передовой повреждённый крейсер перехвата. По закрытому каналу связи уже пришла трагическая сводка: на том борту погиб боевой телепат.

Передав вахту Наньехи, Адехен активировал планшет с личными делами прибывших бойцов.

Первым в списке значился Сорок третий — телепат Стефан. Капитану уже приходилось пересекаться с ним на учениях. Парень обладал повышенной чувствительностью, вздрагивал от каждого системного писка и вечно выглядел так, словно его черепную коробку изнутри распирали чужие голоса. Но своё дело он знал безупречно.

Тридцать седьмой — Аттерли, специалист по деструктивным полям, или просто «взрыватель». С виду суший ангел. Мягкий, круглолицый, улыбочивый парень с копной рыжих волос и обезоруживающе мягким взглядом. Не зная Адехен его личного дела, принял бы парня за мирного кондитера, любящего мужа и отца оравы ребятишек.

Он открыл досье Аттерли. При первом прочтении этих файлов Адехену показалось, что он изучает хронику хладнокровного убийцы. Аттерли взрывал вражеские корабли без суда и следствия: одно предупреждение, один шанс на отступление и уничтожение. Превращение многотонной конструкции в облако космического мусора.

Следом шли энергетики: Тамерлан — Четырнадцатый и Дана — Десятая.

Адехен вглядывался в их голографические портреты. Энергетики всегда выглядели так, словно их окунули в кислоту. С первого взгляда становилось ясно: перед ним бойцы элитного отряда. Обычный человек не мог обладать белоснежными волосами и смуглой кожей. У Тамерлана были хотя бы карие глаза. А Дана... Дана выглядела так, будто действительно пережила химическую атаку.

Замыкала список Двадцать восьмая целительница Кайли. Судя по рапортам кураторов, невероятно одарённая девушка, способная стабилизировать раненого в один контакт. Самого Адехена тонкости её способностей мало заботили. Он привык воевать, а не лечить, да и элитные медики неохотно подчинялись армейским уставам. И хотя называть целителей просто «врачами» было не совсем корректно, капитан никак не мог избавиться от старой армейской привычки видеть в них обычный медперсонал.

Все пятеро относились к седьмому поколению мутантов — совсем молодые по меркам программы. Неудивительно, что они задержались. Согласно предварительным отметкам, во время объявления тревоги почти все они были на празднике.

Впрочем, время ещё оставалось. До выхода корабля на боевой курс был целый час.

Створки дверей разошлись в стороны, и на мостик ступили пять фигур в чёрной защитной экипировке. Их сопровождал дежурный механик: бледный, робеющий парень, который мечтал раствориться в воздухе, лишь бы не находиться рядом со столь опасным отрядом.

Коротко отсалютовав капитану, механик поспешно отступил и скрылся в коридоре. Наньехи тоже покинула мостик: её работа здесь была окончена, а ведение переговоров с элитными бойцами не входило в её обязанности.

Форма на прибывших сидела идеально, на грудных пластинах брони тускло светились их персональные номера. Контраст между ними бросался в глаза: высокий, сухопарый Сорок третий возвышался над низким, почти миниатюрным Тридцать седьмым. Адехен невольно подумал, что всё седьмое поколение несёт в себе печать какой-то чуждой, едва уловимой странности.

И невольно подумал: какими же будут дети после них?

— Добро пожаловать на борт! — Адехен выпрямился.

И всё же он не сдержался и снова коснулся шеи. Как только элитный отряд перешагнул порог капитанского мостика, зуд вернулся с новой силой. На этот раз он был почти болезненным.

Адехен был самым обычным ничем не примечательным человеком с бледной кожей и медными волосами. Встреть Дана его где-нибудь в магазине или на городском празднике, она

ни за что не догадалась бы, что перед ней капитан боевого корабля. Он вовсе не походил на гору мышц и боевых имплантов, которую Дана иногда рисовала себе в воображении, пытаясь представить офицеров высших подразделений.

Капитан то и дело норовил почесать шею, кончик носа или подбородок, что выдавало крайнюю степень нервозности. Конечно, оставался ничтожный шанс, что он подхватил какого-нибудь местного паразита, но Дана в это не верила. Кайли улавливала биологическое состояние людей даже на расстоянии и обязательно предупредила бы команду, если бы заподозрила у командира реальную болезнь. Значит, предчувствие Дану не обманывало: Адехен просто паниковал. Впрочем, мало кто сумел бы сохранить самообладание перед встречей с элитным отрядом.

Дана стояла с краю шеренги и украдкой разглядывала соратников. По тактическим номерам на броне она сразу узнала Кайли. Они учились в одной академии, пусть и на разных факультетах, а позже судьба ещё пару раз сводила их на боевых заданиях. Однажды Кайли даже довелось лечить Дану.

От этих воспоминаний у Даны сразу пробежал холодок по спине. Это было её первое задание — и надо же было угодить в передрагу с пиратами. Тогда она ещё плохо контролировала свои способности и из-за этого повредила руку.

Ну как повредила... Дана отчётливо помнила, как её предплечье держалось на тонком лоскуте кожи. Надо же было умудриться почти отпилить себе руку собственным энергетическим щитом. Вроде бы за такое и стыдно должно быть, но Дана всегда умела смеяться над собой. Вот и сейчас она не удержалась и улыбнулась под маской экипировки. Всё равно никто бы не заметил.

Ещё она узнала Стефана. Его отличительной чертой был высокий рост. В первый раз, когда она отвела Вилору на встречу с ним, ей и в голову не пришло, что этот долговязый парень тоже может быть членом элитного отряда. Мало ли какие особенности бывают у организма? Высоких людей она и раньше встречала, и они были вполне обычными.

А теперь этот самый Стефан успел побывать у неё в голове, и оставалось лишь гадать, какие секреты он успел там выудить.

Хотя один из генетиков в научном центре как-то обмолвился, что проникнуть в сознание Даны под силу только телепату высшего ранга: хаотичные электромагнитные импульсы её собственных способностей превращали мысли для обычного телепата в глухой белый шум. Но Стефан справился. Вероятно, обычным телепатом он только притворялся, а его истинный потенциал руководство предпочитало держать в секрете.

«Эй, Стефан, — мысленно позвала Дана Сорок третьего по ментальному каналу. — Приём. Как слышимость?»

«Очень смешно», — отозвался он почти мгновенно.

В ту же секунду виски Даны пронзила тупая боль.

«Ты слушаешь, что говорит капитан, или нет?» — добавил Стефан.

Стоящий по правую руку от него Четырнадцатый резко ткнул телепата локтем в бок и предостерегающе качнул шлемом. Маски полностью скрывали лица, но этот жест красноречиво выдавал раздражение соседа.

«Он уловил ментальную активность», — пояснил Стефан.

Четырнадцатый уже открыто развернулся к нему.

«Он же энергетик, как и я, — удивилась Дана. — Как он вообще чувствует чужие телепатические импульсы?»

«Я не понял, что это за фигня?» — в их закрытый диалог бесцеремонно вклинился третий голос.

Со стороны казалось, что Четырнадцатый просто замер, отрешившись от реальности.

«Я соединяю нас общим ментальным каналом для удобства связи, — пояснил Стефан. — Это моя работа».

«Я Тамерлан», — поспешил представиться Четырнадцатый.

«Подожди, рано ещё. Я скажу, когда можно будет пообщаться со всеми», — одёрнул его Стефан.

«У меня одной голова болит?» — спросила Дана, непроизвольно коснувшись перчаткой шлема в районе виска.

Боль тут же вспыхнула острее, будто под сводом черепа провернули раскалённую иглу. На мгновение ей даже захотелось сесть прямо на пол.

«Какая головная боль? Ты вообще кто?» — откликнулся кто-то ещё.

Стоявший рядом пухляш на коротких ножках обернулся. От его движения капитан осёкся на полуслове и даже попятился.

«Он что, нас всех взорвать решил?» — испуганно промелькнула в общем поле паническая мысль самого капитана.

«Прошу всех сохранять спокойствие», — мысленно вмешался Стефан.

Всех ли? Дана до сих пор не слышала Кайли, чей мягкий голос узнала бы из тысячи.

— Это... — капитан сглотнул. — Это что, шутка такая?

Стефан тяжело вздохнул.

«А кто вообще на нас напал?» — вдруг ворвался в общий канал Тамерлан.

— Вы точно меня слушали? — от былой уверенности Адехена не осталось и следа. — Кто это говорит?

Он зачем-то склонился над тактическими экранами, хотя нужды в этом пока не было. Потом снова выпрямился, схватил планшет, едва не отбросил его в сторону и тут же снова потянулся к экранам.

Плохо. Очень плохо. Кто, как не капитан, должен удерживать дисциплину и направлять бойцов? А здесь дисциплина не помешала бы самому капитану.

Наверное, Адехен уловил мысль Даны, потому что сразу подобрался.

— Зачем вы залезли мне в голову? — выдавил он, гневно уставившись на глухое забрало шлема телепата.

— Я объединил команду в телепатический контур, — ровным голосом произнёс Стефан. Его слова одновременно продублировались эхом в сознании каждого бойца. — Такая связь критически важна для координации в реальном бою.

— На моём корабле это необязательно.

— Я действую на основании директивы штаба. Ситуация классифицирована по четвёртому уровню угрозы. Протокол предписывает развёртывание ментальной сети.

— А вы сможете...

«Что за четвёртый уровень?» — недоумённо спросил Тамерлан.

«Ты с какой луны свалился?» — в сознании наконец раздался голос Кайли.

Он даже в ментальном пространстве переливался мягким звучанием, заставляя невольно прислушаться.

— «Нас атакуют кхтáры».

«Да твою же... ты серьёзно? — Тамерлан не просто удивлялся, он был в полном замешательстве, и телепатическая связь передавала это без искажений. Скрыть свои эмоции в таком тесном контакте почти невозможно. — Я думал, это пираты... Подожди-ка. Ты утверждаешь, что на нашу планету совершили налёт религиозные фанатики?»

«Более чем уверена, что с религией это никак не связано».

Тон целительницы оставался мягким, но в нём проскальзывали поучительные нотки. Впрочем, Кайли всегда общалась так, когда дело касалось работы.

— Мне нужно подключить помощника капитана к нашей связке? — тем временем спросил Стефан у капитана.

Адехену эта затея явно не нравилась. Его откровенно пугала ментальная связь с мутантами, которых обычные люди до сих пор сторонились. Но ещё больше его пугал Аттерли — этот серийный маньяк...

«Да вы задолбали, — возмутился Тридцать седьмой. — Подумаешь, пустил в расход пару вражеских кораблей в прошлом рейде. Чего сразу ярлыки вешать?»

Он повернул голову к капитану и уже вслух, совершенно серьёзно, добавил:

— Я и вас взорвать могу, если продолжите думать обо мне в таком ключе.

— Вы... вы мне угрожаете?! — сорвался на визг Адехен.

— Кто тут капитан: я или вы? — вмешался Стефан. — У нас вылет через пятнадцать минут!

Адехен сразу забыл про карлика и метнулся к тактическим экранам. Теперь уже не затем, чтобы спрятать нервозность, а по делу.

Дана сосредоточилась, пытаясь через тонкие нити, связывающие их разумы, оценить масштаб вторжения. И не зря, как раз в этот момент один из кораблей флота на экране резко вспыхнул багровым и погас. Спустя мгновение до обзорных иллюминаторов докатилась безмолвная вспышка далёкого взрыва.

— Мать честная! — выругался Тамерлан.

— С праздником семьи и единства! — воскликнул Аттерли и зачем-то захлопал в ладоши.

Глава 2. Проклятые кхтары, чтоб их

У Стефана был собственный сектор: изолированный бронированный отсек в глубине технической палубы. Здесь не было ни иллюминаторов, ни обзорных панелей, ни даже голографических интерфейсов — ничего, что могло бы перегрузить чувства или отвлечь его от ментальной связи.

Внутри царили абсолютная тьма и почти полная тишина, нарушаемая только ровным, едва уловимым гулом систем жизнеобеспечения. Стефан неподвижно полулежал в глубоком ложементе, почти сливаясь с темнотой. Время от времени он нащупывал в фиксаторе контейнер с водой. Запасы подготовили заранее, а доступ в сектор заблокировали через терминал, чтобы никто из экипажа не смог прервать транс телепата случайным визитом, тревожным запросом или лишним шумом.

На фоне бушующего снаружи боя условия, в которых находился Стефан, казались почти роскошными. Со стороны могло показаться, будто происходящее за пределами корабля его и вовсе не касается. Именно так, похоже, считал капитан.

Адехен не скрывал раздражения, когда получил прямое предписание адмирала Кáрстена обеспечить рядовому телепату особый режим. Во время предыдущих миссий он относился к Стефану доброжелательно, даже с некоторой долей покровительства. Однако от бывшего добродушия не осталось и следа, стоило новобранцу подключить капитана к общей ментальной связке. А поблажки в виде чрезмерно комфортного сектора лишь усугубили недовольство Аде-хена.

Стефан просто не мог поступить иначе. Холодность капитана задевала его, но сейчас личные обиды утратили всякое значение. Особенно после того, как один из крейсеров перехвата превратился в космический мусор.

По предварительным данным, там не выжил никто. Погибли пять бойцов элитного корпуса и одиннадцать членов основного экипажа. Никто не спасся. Просто не успели. Один из энергетиков, удерживавших щит, внезапно потерял сознание, второй не справился с обрушившейся на него нагрузкой. Именно в этот момент в корабль угодил снаряд, в одно мгновение превратив боевое судно в груды обломков.

Со стороны могло показаться, что Стефан удерживает одну ментальную связь, но на самом деле их было сразу три. Первая соединяла его с главным телепатом, через которого поступали распоряжения командования. Вторая связывала Стефана с экипажем. Третья служила для подавления ментальной связи противника.

У кхтаров тоже были телепаты. Они не ограничивались проникновением в сознание людей и вмешательством в их мысли. Многие из них умели наносить удары по нервным связям головного мозга. Среди людей на такое были способны только боевые телепаты.

«Ну и жуть... Ты это видела? Видела? — раздался в общем ментальном канале голос Тамерлана. — С ума сойти можно...»

Дальше Тамерлан выдал ещё немало выразительного и неприличного. Стефан невольно поморщился. Тамерлан никогда не стеснялся в выражениях, но обычно позволял себе подобное только в личных разговорах. Стефан и подумать не мог, что тот начнёт сквернословить в общем канале, где его слышала вся команда, да ещё и девушки. Понятно, в бою все равны, но нельзя же так...

«Нельзя — это когда за руку поймали. А мне всё можно», — бесцеремонно вклинился в его мысли Тамерлан.

Стефан внутренне подобрался. Организм не обманешь: сказывалась усталость. Иначе он не позволил бы части собственных мыслей просочиться в общий ментальный канал.

«Сорок третий, доложите обстановку», — принял Стефан сигнал от главного телепата.

Он сосредоточился, устанавливая прямое соединение между собой и капитаном для бесперебойной связи.

Линкор содрогнулся от мощного удара. Стефан на миг сбился и пропустил часть разговора. До него донеслись только обрывки фраз, но свою задачу он выполнил: связь не распалась.

«Принято, — отозвался Адекен. — Меняю курс».

Связь с главным центром то истончалась, то вновь набирала силу. Виной были многочисленные щитовые контуры, которыми управляли энергетики. Одни держали защиту над поверхностью Таласса, другие прикрывали корабли на орбите и в ближнем пространстве. Через такие барьеры обычный сигнал проходил с задержками, дробился и сбивался на шум. Поэтому в состав каждой боевой группы обязательно включали телепата. Иногда — нескольких.

Стоило Стефану подумать, что помощь сейчас была бы очень кстати, как в голове прозвучал спокойный, почти ободряющий голос главного телепата:

«Ты гораздо сильнее, чем кажешься самому себе. Не беспокойся так».

Советовать, конечно, было легко. Наставник, наверное, сидел в защищённом центре связи, где-нибудь под боком у командования, за толстыми стенами, в спокойном свете дежурных экранов.

Стефану было не по себе. Даже здесь, глубоко внутри корабля, до него доносились глухие удары и дребезжание обшивки. При каждом новом ударе сердце вздрагивало раньше, чем он успевал приказать себе успокоиться.

«Ну ты и маньячело, карлик!» — донёсся восторженный вопль Тамерлана.

«Я вас щас всех поимею! — заверещал тот и тут же добавил: — Я тебе не карлик!»

Стефан мотнул головой, словно надеялся вытряхнуть из неё лишние голоса. Каналы начинали наслаиваться друг на друга. Всё смешивалось в один нестройный поток, а ведь ещё приходилось контролировать свои мысли.

Он держался.

Держался даже тогда, когда из носа пошла кровь. Сначала тонкая, тёплая струйка коснулась верхней губы, потом ещё одна скользнула к подбородку. Боль расколола голову так резко, что Стефан не смог даже поднять руку.

«Кайли, сделайте что-нибудь, мы его теряем... — сквозь звон в ушах пробился голос главного телепата. — Капитан, дальше вы будете сами по себе...»

В ушах стоял оглушительный звон. Чужие голоса доносились глухо, словно сквозь толщу воды. Стефан чувствовал, как его затягивает в бездну, где не было уже ничего, кроме тишины.

Становилось всё жарче. Воздух на борту высох до рези в горле, каждый вдох обжигал лёгкие. Переборки раскалились так, что к ним было страшно прикоснуться даже через перчатку. Бортовая система снова и снова выводила на внутренние каналы одно и то же предупреждение: критический перегрев внешней обшивки, риск деформации корпуса, риск отказа контуров охлаждения.

Выбора почти не оставалось. Их либо прожжёт огнём противника, либо собственный корабль начнёт плавиться прямо в бою.

Дана стиснула зубы. Выбор был издевательским, но пока корпус держался, она предпочитала перегрев прямому попаданию. А дальше... Дальше будет чудом, если они вообще успеют добраться до спасательных капсул и покинуть корабль.

Надежды на это почти не осталось. И всё же ей не хотелось закончить так же, как экипаж крейсера перехвата, искорёженные обломки которого медленно дрейфовали за обзорным экраном.

«Интересно, они умерли быстро? — подумала Дана. — Успели понять, что всё кончено? Или смерть пришла раньше страха?»

Никто не ответил.

Значит, Стефан всё-таки вышел из строя. Ничего. Сейчас к нему отправят Кайли, и она быстро поставит его на ноги. Если успеет.

Дана не бралась судить о пределах возможностей Стефана, но знала одно: далеко не каждый телепат способен долго удерживать даже один устойчивый канал. А Стефан держал по меньшей мере три и всё это время связывал их так, будто сам корабль обладал единым разумом.

Дана с Тамерланом находились на разных обзорных постах: он — на нижнем, она — на верхнем. Каждый держал щит на своём участке периметра и видел лишь часть боя, а остальное чувствовал через общую ментальную связь. Теперь связи не было.

Гибель крейсера не выходила у неё из головы.

Дана понимала: если Тамерлан не удержит свой сектор, их корабль превратится в облако раскалённого мусора, разлетающееся по орбите.

Перед тем как Стефан отключился, Дана успела уловить состояние Тамерлана. Напарник был на пределе. Казалось, ещё немного, и тонкая нить, связывающая его разум с телом, оборвётся. Именно так это ощущалось на том ментальном уровне, где их соединял Стефан.

Да, ей было страшно. И, наверное, хорошо, что сейчас никто не слышал её мыслей. Она не хотела делиться этим страхом.

За обзорным экраном открывался вид на космос. Внизу простиралась зелёная поверхность её родной планеты, а над головой отчётливо вырисовывались кольца газового гиганта.

А прямо перед ней... Дана выругалась сквозь зубы. Она тоже устала.

Несколько снарядов летели прямо в её сектор. Они стремительно росли на экране, вытягиваясь из ярких точек в раскалённые болванки, дрожащие от перегрузки. Казалось, прямого попадания уже не избежать.

Первый взорвался раньше, чем достиг щита. Второй рассыпался осколками, и защитное поле заволокло густой взвесью плазмы и металла. Но оставался третий, выпущенный позже остальных и почти скрытый за облаком обломков.

Аттерли успел его подорвать или нет?

Энергетический щит отлично справлялся с осколками, но прямой удар мог сорвать контур.

— Тридцать седьмой, как слышишь? — Дана включила внутреннюю связь, пытаясь вызвать Аттерли. — Подтверди поражение третьей цели.

Ответа не было.

Она не могла знать, удалось ли ему взорвать последний снаряд или тот уже сейчас врежется в её щит.

— Идёт прямо на тебя, — предупредил Тамерлан. Голос у него был хриплым, почти сорванным. — Готовься к столкновению.

— Не успеваю, — наконец ответил Аттерли.

Дана выругалась, собрала остатки сил и приготовилась принять удар. И в этот миг внутри что-то щёлкнуло. Не в корабле — в ней самой.

Энергия, которую она всё это время удерживала, загоняя в границы щита, искрилась в венах, давила под рёбрами и рвалась наружу. А что, если не сдерживать её? Не уплотнять,

не запирает в контур, а выпустить всю массу одним направленным выбросом? Что тогда произойдёт?

Её щит, возможно, выдержал бы прямое столкновение. Но корабль всё равно отбросило бы ударной гравитационной волной, а перегретый корпус мог не пережить рывка. Рискнуть нужно было сейчас. Счёт шёл на секунды.

Дана отпустила часть энергии.

Волна родилась беззвучно: в вакууме звуку не было места, но Дана ощутила её всем телом, словно само пространство перед ней внезапно выдохнуло. Сила сорвалась с контура щита, распахнулась наружу и ударила по полю боя.

Она смела обломки погибшего корабля, разметала облако осколков, сжала и развеяла плазменную взвесь. И встретила третий снаряд за долю мгновения до столкновения.

Тот не взорвался у щита. Волна подхватила его, провернула, сорвала с траектории и швырнула обратно туда, откуда он был выпущен.

— Твою ж налево... — присвистнул Тамерлан по связи. — Это что за волшебник сделал?

Дана медленно выпрямилась. Сердце бешено колотилось, руки всё ещё дрожали. Трюк, на который она решилась почти вслепую, сработал.

За обзорным экраном по-прежнему простиралась бездна космоса. Теперь непривычно чистая. Там, где ещё мгновение назад плавали осколки и летел снаряд, зияла пустота.

Впереди всё ещё маячили вражеские суда. Корабли кхтаров метались, словно насекомые, в чьё гнездо ворвался хищник. Некоторые беспорядочно кружили, явно потеряв управление. Те, что оказались в эпицентре волны, рассыпались на обломки.

По внутренней связи прокатились восторженные голоса, но Дана не позволила себе поверить в победу. Ещё ничего не закончилось.

Корабли кхтаров перестраивались полусферой. Это было не отступление и не паника. Они готовили импульсный удар. Повреждённые суда уже отходили в тыл, а их места занимали другие.

Люди тоже не отступали.

На краю обзорного экрана показался нос линкора, подоспевшего им на смену. По уставу всё должно было быть просто: новый корабль входит в линию, повреждённый отходит. Но Адехен не торопился покидать позицию. Значило ли это, что их не отзовут?

Дана чувствовала: команда на пределе. И она сама тоже. Только теперь к усталости добавилось нечто странное. Она ощущала энергетические поля всех, кто находился на борту. Всех, кроме Стефана.

Если со Стефаном всё настолько плохо, их линкор мог остаться без прямой связи с командованием. Или хуже: приказы всё ещё поступали, но корабль принимал их с задержкой и помехами.

— Капитан, приём, — вызвала Дана. — Мы отступаем?

— Нет, остаёмся на позиции, — тут же ответил Адехен.

— Но почему? Замена ведь прибыла.

— Приказ командования, — вместо капитана отозвался Аттерли. — Собираем силы для сокрушительного удара.

— А у нас хватит сил?

Она не хотела признаваться, что дело не только в истощении команды. Ещё пару серьёзных ударов они, возможно, выдержали бы. Возможно.

Но Дана думала о Стефане.

К нему уже должна была отправиться Кайли. Если она не пришла, значит, не смогла. Если пришла, но Стефан до сих пор не очнулся, значит, всё хуже, чем хотелось верить. А если он вообще не сможет прийти в себя?

Об этом, конечно, думать не хотелось. Но ему определённо нужна была помощь. Одной целительницы на борту явно не хватало, раз он до сих пор не очнулся и не восстановил связь.

Другой вопрос: что именно так сильно на него подействовало? Возможно, один из телепатов кхтаров нанёс ему удар. Но значило ли это, что их корабль остался без ментальной защиты?

Дана скосила взгляд на нос соседнего корабля. Тот находился совсем близко. Вероятно, телепат оттуда прикрывал и их тоже.

«Дана, если ты ещё раз провернёшь этот трюк, нам даже не понадобится задействовать дополнительные ресурсы».

Голос, прозвучавший у неё в голове, точно не принадлежал Стефану. Дана вздрогнула и едва не сбила контур щита.

«Кто это?» — мысленно спросила она.

«Меня зовут Раэль, — ответил незнакомец. — Я главный телепат Таласса. Шестое поколение. Я нахожусь на борту Ксенóфа».

Дана посмотрела на обзорный экран, где виднелся нос соседнего линкора, будто оттуда и в самом деле могли помахать рукой.

«Как думаешь, у тебя получится?» — продолжил Раэль.

Дана сглотнула. После выброса внутри всё ещё звенело, будто энергия не ушла до конца, а лишь отступила глубже, выжидая.

— Я... я попробую.

Кхтары выстраивали уцелевшие корабли полусферой, готовясь к импульсному удару. Совокупный энергетический заряд сходил в одной фокусной точке, а затем разрывался наружу мощной волной, сметая всё на своём пути.

На Талассе эта технология по-прежнему оставалась недоступной. В теории принцип был понятен: его разбирали, моделировали, проверяли в лабораторных условиях. Но в реальном бою неизменно что-нибудь срывалось: то один из коррелирующих кораблей отклонялся от курса, и волна задевала своих, то фокусировка распадалась, превращаясь в неконтролируемый взрыв, уничтожавший весь строй. Несколько раз излучение убивало членов экипажа — обычных людей, не обладавших сверхспособностями и не входивших в элитные отряды.

Кхтары, должно быть, втайне посмеивались над жалкими попытками людей освоить их коронный приём.

Однако то, что совершила Дана, превосходило любые ожидания, какие вообще можно было возлагать на мутанта седьмого поколения. В одиночку она не просто воспроизвела импульсный удар — пусть и менее мощный, чем у кхтаров, — но ещё и сумела на последних силах закрыть собственный корабль щитом.

Раэль пытался проникнуть в сознание Десятой, чтобы выудить оттуда информацию напрямую и понять, как именно она это сделала. Однако все попытки оказались тщетными.

Связи в мозгу энергетиков всегда казались телепатам нелепо спутанными, почти хаотичными. По крайней мере, такое впечатление возникало при первом контакте. В действительности энергетика, сами того не осознавая, выстраивали внутри сознания подобие ментального щита. Рядовой телепат, натолкнувшись на него, начинал путаться, сбивался с хода и терял нить чужой мысли.

Рядовой. Но не Раэль.

Пусть он и принадлежал к шестому поколению мутантов, учёные признавали: именно тогда им удалось создать лучших телепатов. А Раэль был сильнейшим из всех, кто когда-либо рождался на Талассе.

Тем сильнее оказалось его удивление, когда он понял, что мысли Даны для него закрыты. Более того, любой ментальный контакт с ней отзывался в нём резкой дурнотой — головокружением, тошнотой, короткими вспышками боли.

Когда Стефан отключился, Раэль сперва не придавал этому особого значения. Ничего необычного: парень был силён, но не всесилен. Он переутомился, удерживая ментальный канал между Даной и остальными.

Теоретически связь можно было разорвать и перевести Дану на корабельную внутреннюю связь — пусть дальше работает через приборы. Но Раэль не отдал такого приказа. Ему стало интересно, сколько ещё продержится Стефан.

Изучить происходящее можно было и потом, после бойни, в более удобных и безопасных условиях. Однако Раэль прекрасно понимал: в реальном сражении человек действует иначе, чем в мирной обстановке, когда нет непосредственной угрозы. Кроме того, он уже не раз работал со Стефаном и вынужден был признать, что в критических ситуациях тот держался блестяще, тогда как на обычных экзаменах и проверках терялся, словно курсант-первогодок.

Раэль снова попытался войти в сознание Даны. На поверхности её разума мелькали мысли: быстрые, рваные, ослепительно яркие. Они не складывались в связную цепочку и ускользали, едва он успевал за них зацепиться. Хуже того, эти мысли будто искрились. Каждая вспышка обжигала его разум, оставляя после себя болезненный, горячий след.

Раэль с раздражением отметил: окажись он на месте Стефана, не продержался бы и получаса. А Стефан выдерживал эту нагрузку уже несколько часов. Из этого следовало сразу несколько выводов. Первый — самый важный для самого Раэля — он больше не мог считать себя сильнейшим телепатом Таласса. Второй — менее значимый лично для него, но куда более важный для Верховного правительства — Дана была уникальным объектом. Её следовало немедленно изучить, а эксперимент, породивший её способности, повторить.

Значит, пришло время запускать работу над восьмым поколением.

Тамерлан смотрел на обзорный экран в полном недоумении. Прямо у него на глазах кхтары стягивали силы для импульсного удара, а командование по-прежнему бездействовало.

«Может, приказ уже поступил, просто связь снова легла?» — подумал он, не находя другого объяснения этому затянувшемуся молчанию.

Он чуть ослабил хватку энергетического контура, стараясь накопить силы для более мощного щита. Тамерлан не был уверен, что Дана после недавнего выброса сумеет удержать свой сектор корабля.

— Приём, меня кто-нибудь слышит? — в очередной раз попытался выйти на связь Тамерлан.

В ответ из динамиков донеслось только монотонное шипение статики.

— Грёбаная связь... — в сердцах выругался он.

— Это ещё кто там сквернословит? — тут же отозвались на другом конце. Голос принадлежал Адехену.

— Ну конечно! Это вы слышите, а когда я пытаюсь выяснить обстановку и получить инструкции, все молчат! — возмутился Тамерлан.

В следующую секунду в его сознании прозвучал чужой голос:

«Четырнадцатый, ваша задача — создать самый мощный щит, на какой вы только способны».

Тамерлан выпрямился.

— Принято, — ответил он вслух и едва заметно поёжился.

Такая реакция была не к лицу элитному бойцу, но Тамерлану вдруг стало не по себе от мысли, что кто-то чужой ковыряется у него в голове. И это вовсе не Стефан.

Вероятно, с ним связался телепат с «Ксенóфа», прибывшего им на замену. Тамерлан отчётливо помнил, что хотел ответить чем-нибудь грубым, но в последний момент передумал ругаться в прямом эфире. Это было настолько невероятно, что звучало фантастичнее любых слухов о том, будто кхтары однажды оставят Таласс в покое. Значит, неизвестный телепат всё-таки воспользовался своими способностями и слегка подправил его намерение. Жуть какая.

— Верните мне Стефана, — сказал Тамерлан, не зная наверняка, слышит его кто-нибудь или нет.

Просить об этом было по меньшей мере глупо. Стефан никуда не мог деться с их корабля, а значит, с ним что-то случилось. Возможно, вырубился от перегруза. Может, кхтары ударили по нему слишком сильно...

Об этом думать не хотелось.

Тамерлан сосредоточился на сражении. Уж что-что, а сражаться он умел. И с огромным удовольствием посмотрел бы на мерзкие рожи кхтаров после того, как Дана отразила их атаку. Интересно, сколько самоуверенности из них вышибло её ударом?

Внезапно двери в его сектор разъехались, и внутрь без спроса вошёл Аттерли.

Тамерлан аж вздрогнул, увидев его. Ему хватило тех нескольких часов в ментальной связке с этим невинным с виду пухляшом, чтобы понять, какой тот отбитый на всю голову психопат.

— Я думал, ты щит выставляешь, чтобы нас от кхтаров защищать, — задумчиво заметил Аттерли.

Тамерлан сперва удивился, но тут же сообразил: он машинально выставил энергетический барьер между собой и карликом, не желая подпускать того слишком близко.

— Если что, взорвать тебя мне эта штука не помешает, — сообщил Аттерли и хохотнул с таким неподдельным весельем, будто только что рассказал безобидную шутку.

У Тамерлана неприятно сжалось сердце. Он и не думал, что можно бояться кого-то сильнее, чем кхтаров. Да пусть они хоть сейчас ударят по нему импульсным снарядом, лишь бы этот проклятый карлик поскорее убрался из сектора.

— Ладно, шутки шутками, а у меня смотровой экран треснул, — продолжил Аттерли. — Сектор уже загерметизировали и велели убираться либо к тебе, либо к Дана.

Аттерли был без маски. Он остановился и посмотрел на Тамерлана такими невинными глазами, будто и правда не понимал, почему тот выставил перед ним щит. На губах у него дрогнула почти детская улыбка — слишком спокойная для человека, способного по щелчку пальцев взорвать кого угодно в радиусе пары десятков метров.

— Ладно, фиг с тобой, — Тамерлан махнул рукой и снова сосредоточился на внешней обороне.

Аттерли по-хозяйски приблизился к обзорной панели. Он упёрся пухлыми ладонями в толстое бронестекло, единственную преграду между командным мостиком и открытым космосом. За бортом расстилалась бездна, прошитая искрами далёких звёзд, на фоне которых чёрные точки вражеских кораблей уже стягивались в плотный ударный строй.

Кхтары почти закончили построение. У людей оставались минуты до сокрушительного импульсного удара.

— Руководство намеренно подставляет нас под удар, — спокойно сказал Аттерли.

Это и так было понятно, просто Тамерлан боялся признаться себе в очевидном. До последнего не хотелось верить, что командование способно поступить с ними так.

По-хорошему флоту следовало отступить, спрятаться за планетарными щитами и переждать основную волну атаки. Но что-то подсказывало Тамерлану: планетарные щиты могут не

выдержать такого удара. Значит, вся надежда оставалась на корабли, готовые принять на себя импульсный снаряд.

Тамерлан вывел на тактический экран схему диспозиции. Корабли держались слишком плотно. При таком построении им следовало сместиться дальше от линии удара, чтобы импульсная волна успела рассеяться до контакта со щитами передовых боевых единиц.

К своему удивлению, Тамерлан обнаружил, что их корабль стоит первым на пути вражеской ударной волны.

— Какого чёрта? — выдохнул он.

— Вот и я о том же, — мрачно отозвался Аттерли.

— Нас же сейчас в щепки разнесёт. Почему капитан не реагирует? Это ведь его зона ответственности.

— У капитана, как и у нас, приказ. А ты и сам знаешь, что бывает с теми, кто идёт против распоряжений адмиралтейства.

— Дебилы.

— Ну что, я уже не кажусь таким страшным?

Тамерлан окинул его уничижительным взглядом. Кучерявые волосы Аттерли торчали во все стороны, будто растрёпанная мочалка, и от этого он казался ещё более нелепым.

— Ты уверен, что тебе нужна эта штука на лице? — спросил Аттерли. — Вряд ли она спасёт тебе жизнь, если нас вышвырнет в открытый космос.

У Тамерлана уже давно чесались руки избавиться хотя бы от части защитного снаряжения, но он никогда не позволял себе подобного, тем более в разгар сражения. А сейчас... Сейчас всё это будто потеряло значение.

Одним резким движением он сорвал липкую, неприятную маску и наконец вдохнул полной грудью. Воздух в отсеке был далеко не таким свежим, как на Талассе, но дышать им всё равно оказалось куда приятнее, чем через фильтры.

— Вот и славно, — одобрительно кивнул Аттерли. — Хоть посмотрю на того, с кем помирать придётся.

Тамерлан будто не услышал. Он прикрыл глаза и сосредоточился на энергии. Сила пульсировала в венах раскалённой лавой. Густая, почти живая, она металась внутри, словно запертый зверь, жаждущий вырваться на свободу. Но Тамерлан не спешил. Он копил её для защиты.

Проблема заключалась в том, что ресурсы противника были несоизмеримо больше. Тамерлан надеялся, что сможет в одиночку укрыть корабль и всех, кто находился на борту. Но внутреннее чутьё подсказывало обратное.

Над головой прокатился надрывной вой сирены. Из динамиков раздался механический голос:

— Всем немедленно пройти в эвакуационный зал.

Не было никакой уверенности, что у неё получится. Дана уже несколько часов держалась в бою, и силы её неумолимо таяли.

Она сняла с себя часть экипировки, чтобы стало легче дышать. Сняла бы всё, но сохранялся риск, что в сектор кто-нибудь войдёт и увидит её почти без одежды. Даже перед лицом смерти Дана хотела сохранить хоть что-то от прежней себя: достоинство, гордость. И те жалкие остатки сил, на которые рассчитывал Раэль. Или тот, кто стоял над ним.

На обзорный экран она больше не смотрела. Там зияла бездна. Та самая, в которой ей, возможно, совсем скоро предстояло оказаться. Интересно, как долго её тело продержится в вакууме, прежде чем внутреннее давление разорвёт органы изнутри.

Над головой взвыли сирены.

Дана опустилась на пол и раскинула руки в стороны. Этот сигнал тревоги относился не к ней. Раэль коротко изложил план, и, хотя он казался Дана безумием, спорить у неё уже не было сил. Оставалось положиться на волю случая, на тех, кто всё это затеял, и просто ждать.

Ожидание порой давалось ей сложнее, чем всё остальное.

Отбросив всё лишнее, Дана сосредоточилась на тонких потоках энергии. Теперь они были различимы так ясно, словно само пространство раскрылось перед ней. Это было нечто совершенно новое. Странное чувство, позволяющее узнавать о присутствии других существ не через слух или зрение, а через глубокий внутренний резонанс. Она почти кожей ощущала чужую мощь: та мерно пульсировала в жилах и растекалась вокруг невидимым теплом.

«Дана, приготовься», — прозвучал в голове голос Раэля.

Она даже не шелохнулась. Лишь мысленно потянулась к щиту, уже развёрнутому вокруг её сектора. Дана попыталась растянуть его шире, захватить пустые участки пространства, куда могли прорваться осколки или сгустки энергии, и тем самым хоть немного помочь тем, кто всё ещё удерживал защиту над поверхностью Таласса.

Какая разница, если она всё равно идёт на смерть? По крайней мере, напоследок Дана облегчит жизнь другим. Иначе зачем всё это?

«Так, молодец, — продолжил Раэль. — Кхтары уже в полной боевой готовности. Они формируют заряд...»

Дана ощутила его прежде, чем увидела. Там, за бронированной обшивкой корабля, в пустоте рождалось нечто огромное: чужая сила собиралась в плотный, ослепительный сгусток чистой энергии.

«А если попробовать перехватить импульсный снаряд кхтаров?» — мелькнуло у неё.

Энергетик мог бы дотянуться до него и сбить контур. Но только в теории. На практике подобные эксперименты почти всегда заканчивались одинаково. Дана слышала об испытаниях, проводимых в открытом космосе. Энергетики, пытавшиеся перехватить управление пульсаром, сгорали изнутри. У одних останавливалось сердце, у других обугливались нервные каналы. Итог всегда был один — смерть.

«Дана, нет! — резко отрезал Раэль у неё в сознании. — Пожалуйста, придерживайся первоначального плана...»

Его мысленный голос сбился, словно он задыхался.

«Ты у нас не одна такая... проклятье... умная».

— Раэль, что с тобой? — Дана резко приподнялась на локтях, а затем вскочила.

За бронестеклом обзорного экрана вспыхнула ослепительная сфера — чистое воплощение мощи кхтаров. Стремительно и абсолютно беззвучно она разрасталась в пустоте, поглощая всё вокруг.

«Боюсь, ты скоро останешься одна», — донёсся голос Раэля.

Теперь он звучал как отголосок чужой мысли.

«Не останется!» — новый голос ворвался в сознание, перебив Раэля.

Голос был знакомым. И Дана, к собственному удивлению, обрадовалась ему так сильно, что на мгновение почти забыла о надвигающемся ударе.

— Стеф? Ты должен был эвакуироваться! — воскликнула она.

«За нас не переживай, — отозвался Стефан. — Мы взрослые люди. Сами о себе позаботимся. Твоя задача — пульсар».

«Мы?» — У Даны всё внутри похолодело.

Значит, на корабле остался не только Стефан. Теперь она отвечала не только за себя. Собственной жизнью она ещё могла рискнуть, но погубить команду... Нет. Это не входило в её планы.

Все системы корабля верещали об угрозе. Сигналы наслаивались друг на друга: аварийная разгерметизация в смежном секторе, повреждение стабилизаторов, критический рост

внешнего излучения. Дана могла бы одним усилием заставить технику замолчать, но не стала тратить энергию на такие пустяки. А потом всё это уже перестало иметь значение.

В этот миг Дана остро ощутила собственную хрупкость. Крошечная песчинка на фоне бесконечной пустоты. Человек, затерянный в недрах огромного стального корабля, перед лицом силы, способной стереть с орбиты флот и прожечь защитные купола Таласса. А там, снаружи, ждали кхтары.

Дана представила их длинные тела, перепончатые пальцы, блеск тёмных глаз. Представила, как они предвкушают возвращение прежней власти. Для них люди по-прежнему оставались рабами — живым ресурсом, пригодным для любых целей.

Ну уж нет. Не сегодня. Кхтары больше никогда не будут помыкать людьми. По крайней мере, пока Дана жива.

Она выпрямилась и посмотрела на экран, где разрасталось сияние пульсара. Настал момент истины: хватит ли ей сил выдержать этот удар? Сумеет ли она отстоять право всех талассийцев на независимость?

«Ты сможешь», — прозвучал в сознании голос Стефана, он говорил так, будто держал её за руку.

А потом всё перед глазами встало белой ослепительной пеленой.

Тамерлан едва поспевал за Аттерли. При всей своей нелепости, коротких ногах и лишнем весе, этот безумец нёсся так стремительно, что Тамерлан уже начинал задыхаться, просто стараясь не отстать. Псих оказался на редкость ушлым и явно дорожил своей шкурой.

Они свернули в технический коридор. Там, за мерцающей полосой аварийной разметки, начиналась крутая лестница, ведущая прямо к эвакуационному отсеку. Но даже здесь Аттерли не сбавил хода. Он разогнался, плюхнулся тяжёлым задом на перила и лихо скатился, каким-то чудом удерживая равновесие на узкой металлической опоре.

Тамерлан невольно усмехнулся. Запыхавшись, он притормозил у начала спуска. Сейчас споткнуться значило полететь кубарем до самого низа. Вместо этого он шагнул на парящую платформу, расположенную в нише у самого основания лестницы. Та беззвучно дрогнула под его весом и плавно пошла вниз, давая ему несколько драгоценных секунд, чтобы перевести дыхание.

В эвакуационном отсеке уже горел тревожный свет. Вдоль стен, занимая места в спасательных челноках, молча сидели члены экипажа. Лица их были напряжены. Никто не спорил, никто не суеился. Все ждали последней команды капитана.

Аттерли тем временем стоял напротив Адехена. Для большего внушения он каким-то образом успел взобраться на неизвестно откуда взявшуюся табуретку и теперь почти доставал капитану до лица. Адехен, пунцовый и скованный, отвечал ему подчёркнуто вежливо. Было видно, что он, как, впрочем, и остальные члены команды, боится коротышку.

— Хрен ты трусливый, а не капитан! — визгливо выкрикнул Аттерли, брызгая слюной прямо в лицо Адехену.

— Где Кайли? — с ходу спросил Тамерлан.

Едва платформа коснулась пола, он соскочил с неё и быстро оглядел отсек, выискивая своих. Экипаж линкора уже занял места в челноках, но бойцов элитного отряда здесь не было — ни Кайли, ни Даны, ни Стефана. Можно было решить, что они эвакуировались раньше. К примеру, Кайли могла уйти вместе со Стефаном, который, вероятно, ещё не пришёл в себя. Тамерлану ещё предстояло выяснить, что именно с ним случилось. Однако все челноки оставались на месте, а значит, никто из его товарищей не покидал отсек.

— Если вам так не терпится самоубиться — милости прошу, — дрожащим голосом произнёс Адехен и опустил взгляд. — Я и моя команда покидаем корабль, как того требовало руководство.

— Но вы же капитан! — не унимался Аттерли. — Вы здесь главный. Это ваш корабль!

— Это корабль флота, — тихо ответил Адехен. — А дома, на Талассе, меня ждёт семья.

Тамерлан поразился тому, как мгновенно изменился Аттерли после этих слов. Вся его ярость будто схлынула. Карлик коротко кивнул, ловко соскользнул с табуретки и, быстро перебирая короткими ножками, помчался прямо к Тамерлану.

На миг энергетику стало не по себе. От Аттерли можно было ожидать чего угодно, даже того, что он взорвёт человека просто потому, что тот оказался у него на пути.

Но Аттерли пронёсся мимо и запрыгнул на ту самую платформу, с которой Тамерлан только что спустился.

— Я своих не бросаю! — громко объявил он.

По взгляду Аттерли Тамерлан сразу понял: эти слова предназначались ему. Карлик прищурился так, словно заранее не принимал отказа. Будто стоило Тамерлану сейчас струсить и сделать хоть шаг к челноку, и этот маленький псих лично поджарил бы ему трусливый зад.

Но Тамерлан и не собирался покидать корабль. Уж точно не без Кайли.

Времени на раздумья почти не оставалось. Сигналы защитных систем верещали со всех сторон, тревожные огни вспыхивали и гасли, а где-то глубоко в корпусе корабля протяжно стонал металл.

Тамерлан запрыгнул обратно на платформу и попытался выйти на внутреннюю связь с Кайли. Где она? Всё ещё со Стефаном? Если так, то Стефан самостоятельно точно не выберется.

«Как бы не так, — раздался в его голове знакомый голос, и Тамерлан невольно улыбнулся. — Рано меня хоронишь. Если уж подыхать, то всем вместе. А пока отправляйся на капитанский мостик. Аттерли пусть торопится к Дане».

Адмирал Карстен был в ярости. Они уже потеряли одну из лучших групп шестого поколения. Тех, кто первыми принял на себя удар кхтаров. Теперь настал черёд прощаться со следующим составом.

Бойцы седьмого поколения. Для самого Карстена они были просто детьми. Мальчишками и девчонками, которые не успели пожить и оставить после себя собственный след. Сердце адмирала сжималось от горечи и бессильной злости, пока на его глазах это юное поколение хладнокровно списывали в расход.

Карстен не понимал этой логики. Да, все они были солдатами, рождёнными защищать Таласс. Но прежде всего они оставались людьми. Людьми, которые хотели жить. Совсем юные бойцы седьмого поколения едва успели вступить во взрослую жизнь, как их бросили на растерзание кхтарам.

Как же он их ненавидел. Люто. Всю жизнь Карстен презирал этих инопланетных тварей, снова и снова посягавших на независимость людей. Даже сегодня они нанесли удар. В Великий день. Адмирал знал: многих бойцов, которым теперь предстояло принять бой, выдернули прямо с праздника.

Разумеется, церемонию перенесут. Если будет кому её проводить. Это «если» застряло в горле тяжёлым комом.

Карстен развернул подразделения в соответствии с картой энергетических щитов. На тактических мониторах вспыхнули отметки кораблей прикрытия, линии расчётных траекторий и зоны перекрытия полей.

Основной удар должен был принять на себя «Брук» — линкор последнего поколения. Экипаж во главе с капитаном уже эвакуировался, однако элитный отряд в полном составе остался на борту. Чуть поодаль дрейфовал «Лир» с экипажем в полном составе. Между ними находился «Ксеноф» — боевой корабль, на борту которого сейчас были сам адмирал и главный телепат.

Адмирал вывел на отдельный экран запись со скрытых камер.

Глубоко под технической палубой в бронированном отсеке внутри медицинской капсулы покоилось хрупкое тело Раэля. Рядом дежурили двое лекарей и целительница, но Карстен сомневался, что их сил хватит, чтобы когда-нибудь поставить Раэля на ноги.

Адмирал не понаслышке знал, что в теле ребёнка с непропорционально большой, почти равной туловищу головой был навеки заперт взрослый человек. Раэлю не суждено было жить полноценной жизнью. Он не мог даже говорить, а всё его существование держалось лишь на системах жизнеобеспечения. Природа словно поиздевалась над ним. Одарив великим даром, она потребовала столь же огромную плату взамен — его здоровье. Саму возможность жить, а не просто существовать.

Уж кого не было жаль отправить в пекло, так это Раэля. Адмирал даже подумал, что избавить его от мук было бы милосерднее, чем поддерживать в нём это подобие жизни.

«Карстен, я вас слышу», — раздался в его сознании знакомый голос.

Раэль мог застать врасплох кого угодно. Но только не адмирала Карстена.

«Вы, наверное, удивитесь, — продолжил Раэль у него в голове, — но я тоже имею право на жизнь. Даже на такую».

Карстен не отвёл взгляда от экрана.

— Если вас это действительно устраивает.

«Дело не в том, устраивает меня это или нет. Скорее, я просто делаю свою работу. Выполняя долг перед Талассом, как и все мы. И готов исполнять его до самой смерти. Иначе моё появление на свет — пусть даже в таком неподобающем облике — не имело бы смысла».

— Все эти смыслы меркнут, когда ты не можешь присунуть девке, которую безумно любишь, — глухо сказал Карстен.

«Странное у вас представление о женщинах. И о любви. А у вас самого есть такая женщина, адмирал? Та самая, которую вы любите?»

Удар пришёлся точно.

Карстен почувствовал, как внутри дрогнуло то, что он годами держал под замком. Раэль не просто услышал ответ, он вытащил его из тёмных глубин памяти, куда сам Карстен давно запретил себе заглядывать.

Но значило ли это хоть что-нибудь для Раэля, прикованного к медицинской капсуле?

Возможно, главный телепат, неспособный сделать и вдоха без помощи машин, давно познал иную, недоступную простым смертным радость жизни. В конце концов, для его разума не существовало преград. Он мог беспрепятственно проникнуть в мысли кого угодно, даже самого Карстена.

И кто знает... быть может, все они уже давно, сами того не ведая, стали послушными фигурами в его незримой игре.

«Адмирал, связываю вас с энергетиком Тамерланом для дальнейшей настройки щита», — сообщил Раэль.

В следующее мгновение в сознании Карстена вспыхнул ещё один голос:

«Чёрт, чёрт, чёрт... Зачем я на это подписался? Надо было уходить с капитаном... Ещё и этот маньяк с короткими ножками...»

«Тамерлан, вы уже на связи с адмиралом», — сухо перебил его Раэль.

«Серьёзно? Уже? Твою же... Слушаю, товарищ адмирал!»

Карстен снова поднял глаза к обзорному экрану, за которым виднелся «Брук».

«Тамерлан, ваша задача — уплотнить щит, которым я сейчас накрою Брук, — передал он. Потом добавил: — Раэль, свяжите меня с Даной».

«Стефан, как слышно? — тут же отозвался Раэль. — Вы сможете поддержать связь адмирала с Даной?»

«Смогу. Соединяю...»

Карстен поморщился. От множества чужих голосов, звучавших прямо в голове, виски болезненно пульсировали. И всё же это был далеко не предел. Адмирал помнил куда более плотные связи, созданные теми же телепатами: они переплетались в клубок спутанных нитей, и главное было — не забыть, какая нить куда ведёт, чтобы одновременно поддерживать закрытый разговор с Советом и передавать приказы нескольким подразделениям.

Карстен помнил, как однажды удерживал в сознании нити, связывавшие сотни человек. После того сеанса ему хотелось разбить лоб о панель управления, только бы прекратить боль, раскалывавшую череп изнутри.

Но не сегодня. Прямо сейчас на них надвигался пульсар. Через мгновение после столкновения с ним терзавшая адмирала головная боль должна была навсегда утихнуть, вместе со всеми теми, кого поглотит эта яркая вспышка.

Дана почувствовала на плече прикосновение маленькой мягкой ладошки. Она уже хотела обернуться, но за спиной прозвучал голос Аттерли:

— Я с тобой, — сказал он неожиданно мягко и спокойно.

Этот тон так резко отличался от того впечатления, которое он произвёл при первой встрече, что Дана на миг растерялась.

— Отпускай постепенно. Я подтолкну.

Дана полностью сосредоточилась на собственном щите. Она ощущала колоссальный приток энергии, концентрирующийся перед «Бруком». Сразу несколько защитных полей наслаивались друг на друга, поддерживаемые целой группой энергетиков.

В арьергарде, сразу за «Бруком», занял позицию «Ксеноф» с самим адмиралом Карстеном на борту — главным энергетиком шестого поколения. Кроме того, со стороны «Лира» их страховали ещё двое мощных специалистов пятого поколения и один — седьмого, того же уровня, что Тамерлан и сама Дана. Эта защита казалась несокрушимой.

Тем обиднее было понимать, что через несколько мгновений они могут лишиться всего этого. Потерять людей, способных удерживать поле такого уровня. И ради чего? Ради зыбкой надежды, что Дана сумеет развернуть пульсар в одиночку?

«Дана, ты его чувствуешь?» — спросил Стефан.

Раэль больше не пытался связаться с ней напрямую. Теперь поддерживать её связь с остальными командами должен был Стефан.

— Да, — тихо ответила она.

Дана уже в полной мере ощущала, как колоссальный сгусток неосязаемой и в то же время чудовищно плотной материи давит на её щит. Ей нужно было нащупать ту едва различимую грань, за которой следовало отпустить накопленную энергию, чтобы волна, созданная ею и Аттерли, не просто сдержала пульсар, а развернула его обратно к тем, кто его запустил.

Ослепительный свет заливал всё пространство впереди, поэтому на обзорных экранах включили защитные фильтры. Приближение пульсара теперь можно было отслеживать только по тактической схеме или по собственным ощущениям.

— Начинаем, — скомандовал Аттерли.

В один миг безумный психопат превратился в наставника. Голос Стефана в голове, несомненно, помогал держаться, но ещё сильнее поддерживало живое присутствие человека рядом, пусть даже этим человеком и был Аттерли.

Ощущение одиночества перед оружием, способным стереть в пыль малые планеты и спутники, отступило. Аттерли стоял рядом, сохранял полное спокойствие и был готов подстраховать. Это внушало Дана уверенность.

Гравитационная воронка пульсара стремительно росла, втягивая в себя щиты, которые энергетики удерживали из последних сил. Дана показалось, будто их корабль сдвинулся с места. Возможно, так и было: оборона пока сдерживала напор, но пространство вокруг уже дрожало от напряжения.

Чего они ждали?

Чем дальше от Даны находился щит, тем сложнее было его контролировать, поэтому дистанцию до пульсара требовалось сократить до минимума. Это позволило бы Дана управлять защитой и не дать гравитационной пасти искусственной звезды поглотить корабли на передовой линии.

Она отпустила.

Колоссальный поток энергии рванул навстречу искусственной звезде, созданной кхтарми. Пульсар жадно впился в новую жертву и начал поглощать её слой за слоем. Дана больше не смотрела на экраны. Она ориентировалась только на то, что могла уловить в искривлённом пространстве вокруг.

Движение отметок на тактической схеме и пронзительный сигнал корабельной тревоги не сообщали ей ничего нового. Компьютерные отчёты лишь подтверждали то, что она уже чувствовала. Передать дополнительные данные на главный сервер она не могла, поэтому все её ощущения и мысли напрямую уходили Стефану. Именно ему предстояло потом собрать из них отчёт. Если он, конечно, переживёт этот неравный бой.

Аттерли выпустил точно заряженный сгусток взрывной энергии.

Взрыватели управляли силой иначе, чем энергетики. Энергетики чаще распределяли поток равномерно, растягивая его в пространстве и формируя защитные поля. Взрыватели, напротив, выпускали энергию резко, сжимали её в заданной точке и добивались взрывного импульса.

Но Аттерли не собирался уничтожить пульсар прямым ударом. Он один за другим бросал заряды в пустоты между щитом и искусственной звездой, пытаясь ударными волнами замедлить её движение. Остановить пульсар это не могло, но давало Дана драгоценные доли свободы, позволяя удерживать щит и маневрировать.

Дана нащупала край собственного поля и отщипнула от него тончайший слой. Но даже этого хватило, чтобы заставить пульсар дрогнуть и податься назад. Искусственной звезде такое вмешательство явно не понравилось: её поверхность опасно завибрировала.

Аттерли тем временем без устали бил по пустотам между её щитом и пульсаром. Этих пустот становилось всё меньше.

Если бы Дана или Аттерли могли сейчас отвлечься на тактический экран, они увидели бы, как корабли кхтаров бросились врассыпную. Те явно не ожидали, что жалкие людишки сумеют так долго сдерживать оружие, считавшееся несокрушимым.

Дана отделила от щита ещё один слой: тонкий, но более плотный. На этот раз пульсар замедлился. Она не стала ждать и сразу направила навстречу ему ещё три отслойки разной плотности. Сил оставалось максимум на три попытки.

Электромагнитная корона пульсара начала стремительно расширяться, грозя обрушить всю свою сокрушительную энергию. Дана рискнула и выпустила ещё два слоя.

Пульсар отбросило назад. Он рванул обратно к тем, кто его создал. Аттерли подталкивал его взрывными импульсами, но опасность никуда не исчезла. Искусственная звезда могла взорваться в любой момент, и тогда энергетическая волна всё равно смела бы корабли передовой.

У Даны оставалась последняя попытка. Она отпустила и её. Пульсар резко ускорился. И взорвался.

Дана почувствовала вспышку уже лёжа на полу в собственной крови и крови Аттерли. Он распластался рядом без сознания. Волна излучения обрушилась на линкор, а затем тот резко накренился: искусственная гравитация дала сбой, и стена на миг стала полом.

Но щиты, удерживаемые энергетиками, выстояли. Их хватило, чтобы принять на себя основной разряд от взорвавшегося пульсара и не дать передовой исчезнуть в ослепительно-белом сиянии.

Но Дана уже было всё равно. Жадно хватая ртом воздух, она захлёбывалась собственной кровью. В какой-то момент ей показалось, что они всё-таки погибли. И вот она снова летит куда-то вниз, в абсолютной темноте. Потом последовал удар обо что-то твёрдое, вспыхнула резкая боль, а значит, она всё ещё жива.

Но уверенность продержалась недолго. Дана прекрасно понимала: её организм может просто не выдержать такой перегрузки. И тогда она погибнет от внутренних повреждений быстрее, чем от энергии только что отражённого пульсара.

Дана с трудом разлепила веки. Перед глазами всё плыло, словно мир был залит водой и разбит на дрожащие осколки. Где-то рядом хрипло и прерывисто дышал Аттерли. Всё ещё живой. Она попыталась повернуть голову, но в висках тут же вспыхнула ослепляющая боль, и тело отозвалось тяжёлой, вязкой слабостью.

Сколько прошло времени: секунда или вечность, она не знала. Лишь потом различила голоса. Сначала далёкие, будто сквозь толщу металла, потом всё ближе, отчётливее. Чужие, свои — неважно.

— Дана... Дана, ты меня слышишь? — кто-то звал её по имени.

Непонятно было, звучал ли голос в голове от телепата или рядом, от кого-то из присутствующих.

Она хотела ответить, но из горла вырвался только хрип. Кто-то уже был рядом. Тёплые руки коснулись её плеч, попытались приподнять. По телу прокатилась новая волна боли, и Дана на миг снова провалилась в темноту.

Раэль спихнул на него всю самую тяжёлую работу и даже не пытался этого скрыть, а Стефан и не думал уклоняться. Теперь он лежал в ложементе совершенно обессиленный. Кайли бережно поддерживала его голову, не давая окончательно ускользнуть во тьму. Он то и дело проваливался в забытие, но благодаря усилиям целительницы возвращался в реальность. Он понимал: самостоятельно подняться он уже не сможет, а Кайли вряд ли сумеет утащить его на себе. Тем не менее она никуда не уходила.

— Ты можешь сказать мне, где Тамерлан? — шепнула она ему на ухо так тихо, словно даже здесь их могли подслушать.

— На капитанском мостике, — сразу отозвался Стефан. — Держит щит.

— С ним всё хорошо?

— Да.

— Спасибо.

Больше она ничего не спросила.

Стефан знал, что ей тяжело и что она, как и все остальные, оставшиеся на борту «Брука», держится из последних сил. Но ничем не мог ей помочь. Ни себе, ни тем более кому-то ещё.

Аттерли был на грани и уже отключился. Боль, пронзившая тело карлика, ударила и по Стефану. Тот лишь плотнее сжал зубы до хруста, до сколов. Если Стефан выживет, костная ткань снова нарастит ему новые резцы, а если нет... Всё это уже не будет иметь значения.

Стефан и Кайли находились в сравнительно безопасной части корабля. Чтобы добраться до них, враждебной энергии пришлось бы пройти через множество внутренних барьеров «Брука». Но именно поэтому эвакуация отсюда становилась почти невозможной: те же переборки и силовые заслоны, что защищали отсек, теперь запирали их внутри.

Ничего. Они справятся. Наверное. Стефан верил. Уж оптимизма ему всегда хватало.

А ещё он представлял, как выберется из этой передрыги, как уже вечером соединится брачным союзом с Вилорой и как потом всё у них будет хорошо. А если нет, то зачем всё это?

«Стефан, ты теряешься», — голос Раэля резко вернул его в сознание.

Будь у Стефана хоть капля лишних сил, он, наверное, вздрогнул бы. Но ему было больно даже стонать. Казалось, в теле сломана каждая кость, разорвана каждая мышца, а позвоночник от перегрузки рассыпался на отдельные позвонки.

Такими темпами до церемонии он самостоятельно точно не доберётся.

«Да блин, Стефан, на фига мне твои влажные фантазии? — возмутился Тамерлан. — Держи их при себе, пожалуйста».

Стефан, наверное, покраснел бы. Но позже. Когда очнётся в больнице, если, конечно, ему повезёт.

А потом всё резко перевернулось.

Ложемент сорвало с фиксаторов или сам корабль дёрнуло так, что Стефана выбросило наружу. Он рухнул на что-то жёсткое. Чьи-то руки осторожно приподняли его, но даже это движение вспыхнуло новой болью в боку и тут же утонуло в общей агонии. Казалось, всё его существо превратилось в один пульсирующий сгусток боли.

Что-то тёплое закапало ему на лицо. Должно быть, кровь Кайли. Насколько сильно она ранена? Сможет ли выбраться отсюда сама?

Стефан сосредоточился на отголосках разумов тех членов команды, что остались на борту «Брука». Аттерли был без сознания, но жив. Тамерлан матерился в своей привычной манере, что не оставляло сомнений: с ним всё в порядке. Этим Стефан и поделился с Кайли.

В полумраке её лицо тут же озарила улыбка. На мгновение Стефан задумался: почему она без защитной маски и когда он сам успел снять свою? Но сейчас это было неважно. Куда важнее было другое. Он никак не мог нащупать разум Даны. От осознания этого внутри всё предательски похолодело.

«Стефан, как вы себя чувствуете?» — голос Раэля отозвался в голове резкой болью.

«Не знаю», — честно признался Стефан.

Пока он мог уверенно сказать только одно: атаку пережили Тамерлан и Кайли. Почти во всём остальном, включая собственное состояние, он сомневался. Но сильнее всего тревожила Дана. Она не отзывалась.

«Я тоже пробую с ней связаться, — сообщил Раэль. — Кажется, дело плохо».

Ситуация была не столько безнадёжной, сколько невероятно сложной. Учитывая, что разум Даны представлял собой сплошной комок нейронных перепадов и скачков. Его не смог осилить даже главный телепат. Что уж говорить о Стефане, который едва выпустился из академии и совсем недавно поступил на службу в элитный отряд. Где главный телепат, а где Стефан, за плечами которого числились всего две жалкие, пустяковые миссии! А третья и вовсе могла стать последней.

«Дана... Дана, ты меня слышишь?» — он снова попытался связаться с ней мысленно.

И, как ни странно, на этот раз уловил едва заметный отголосок её сознания. Она не ответила прямо, но этого и не требовалось. Стефану было достаточно того, что она жива.

А ещё выжили все они. А значит, Дана со всем справилась.

Глава 3. Раны затянутся, обиды останутся

Дана пришла в себя уже в больнице. Стерильную палату заливал резкий белый свет. Он бил в глаза, отражался от гладких стен и от металлических поручней кровати. Рядом никого не было.

Она встала, чувствуя лёгкое головокружение и покалывание в ногах. Её организм был сильнее, чем у предыдущих поколений мутантов, и быстро самоисцелялся. Она лишь надеялась, что на восстановление не ушло слишком много времени и она всё ещё успевает на церемонию сестры. Хотя о какой церемонии могла идти речь, если сам жених, с большой вероятностью, тоже лежал где-нибудь в одной из палат.

Она сделала шаг. Потом ещё один. Белая бесформенная сорочка шуршала у колен, босые ступни холодило гладкое покрытие пола. Дана добралась до двери, нажала на сенсорную пластину и вышла в коридор. И почти сразу растерялась.

По широкому коридору спешили медсёстры с переносным оборудованием. Между палатами переходили врачи, на ходу отдавая распоряжения и покрикивая на капризных пациентов. Где-то пищали мониторы, где-то спорили, а из-за перегородок доносились тихие стоны.

На Дану тоже повысили голос. Она даже не сразу поняла, что обращаются именно к ней: вокруг было слишком шумно и тесно.

— Девушка! Ну почему босиком? — возмутился кто-то позади. — У вас рядом с койкой тумбочка стоит. Неужели трудно туда заглянуть?

Дана медленно обернулась. Быстрее не получалось. Казалось, сделай она резкое движение и тут же потеряет равновесие. Ей и без того приходилось цепляться за стену.

Перед ней стоял мужчина средних лет в медицинской форме. На шее у него болталась карточка с именем: доктор Дарсия.

— Вот это да, — выпалил он, узнав её. — Большая честь разговаривать с вами. Но честь честью, а босиком ходить не надо. Давайте обратно, а там разберёмся.

Он что-то отметил в планшете и поманил её за собой.

Через несколько минут Дана снова сидела на кровати и болтала ногами, пока рядом суетилась медсестра. Доктор Дарсия устроился за небольшим столом у стены и заполнял карту пациента.

— Скажите, как давно я поступила в больницу? — спросила Дана.

— Вчера ночью, — сухо ответил врач, не отрываясь от планшета.

— А моя команда? Они все... живы?

Дарсия поднял взгляд.

— Ваш корабль, напомниме.

— «Брук».

— Так-так-так...

Он свернул окно с её данными и открыл другое. Дана невольно вытянулась, пытаясь разглядеть записи на экране.

— Да, с вашего корабля все живы, — сказал доктор. — Лечение проходите вы, а также номера Тридцать седьмой и Сорок третий, если вы с ними знакомы. Полагаю, что знакомы. Из экипажа никто не погиб. Все живы.

Он говорил быстро, но спокойно. На вопросы отвечал без раздражения, хотя нельзя было сказать, что Дана успела задать их слишком много.

Из отчёта, мелькнувшего на планшете Дарсии, она успела выяснить, что в ходе сражения погибли двадцать восемь человек. Не так много, если учитывать масштаб боя. И слишком много, если помнить, что за каждой из этих жизней стояла своя судьба и своя история.

— Жертв могло быть гораздо больше, — тихо сказала медсестра, словно уловив её мысль.

— Ребят всё равно жаль, — подметил Дарсия с абсолютным безразличием в голосе.

Он произнёс это ровно, почти без интонации. Дана не обратила на это внимания, списав всё на профессиональную деформацию. Наверное, к чужой смерти тоже привыкают.

Впервые смерть прошла к ней так близко, буквально задела плечом. Дану бил мелкий озноб. Ещё вчера она искренне верила, что отдаст жизнь без колебаний за свой отряд. А уже сегодня едва ли не расплакалась на глазах у медсестры.

На неё накатила запоздалый страх от осознания того, как легко и буднично может оборваться жизнь. Всё, что было раньше: школа, академия, казалось лишь разминкой перед долгим марафоном. Но что, если это вовсе не марафон, а спринт с неизбежным финалом?

Бойцам элитного отряда не полагалось показывать страх. Дана сидела неподвижно, до боли стиснув зубы и снова и снова прокручивая в голове, как близко она оказалась к черте, за которой нет ни славы, ни долга, ни будущего.

Кхтарам, наверное, было легче умирать. Их божество обещало забрать души павших в рай, где они будут жить в мире и гармонии вечно. Забавно. Только почему в мире и гармонии нельзя жить прямо сейчас?

«Дана? Дана, ты как?» — раздался в голове знакомый голос.

Она едва не вздрогнула.

«Стефан? — зачем-то спросила она, хотя уже знала ответ. — Я в норме. Как ты?»

Со стороны, наверное, казалось, будто Дана внезапно зависла. Будь она полностью здорова, она с лёгкостью скрыла бы свой контакт с телепатом, но сейчас, уставшая и замученная, разве что слюну не пустила у всех на виду.

«Иду на поправку, — ответил Стефан. — Хотя вот поговорил с тобой, и голова снова закружилась».

«Вашу церемонию с Вилорой перенесли?» — сразу спросила Дана.

В голове воцарилась тишина.

Дана уже успела сделать для себя приятное открытие: телепатам трудно входить с ней в контакт. А то, что они не могли свободно читать её мысли, стало дополнительным подарком к её способностям. Кому вообще понравится, когда в твоей голове кто-то копошится?

— Если вам так не терпится пообщаться, — прервал её размышления Дарсия, — можете пройти в нужную палату. Кто вас интересует? По реакции смею предположить, это телепат из вашей команды? Сорок третий? Или...

Он вдруг понизил голос, словно шёпот мог защитить от несанкционированного вторжения в сознание.

— Может, Раэль?

Телепаты вроде Раэля встречались крайне редко. Они не просто мастерски замечали следы своего присутствия, они вообще никак себя не выдавали, если сами того не хотели.

Дана почувствовала, как к щекам приливает жар.

— Ой, девушка, бросьте вы это, — сказал Дарсия и приспустил очки, внимательно глядя на неё поверх оправы. — Сорок третий через две палаты направо. Если вопрос касается Раэля, то он...

Доктор снова съёжился и перешёл почти на шёпот:

— Он в отдельном корпусе. Кстати, учитывая состояние главного телепата, пострадал он не так уж сильно. Хотя «Ксеноф» потрянуло не меньше вашего, как, впрочем, и «Лир». Ну, это вы уже там между собой разберётесь. Сейчас ещё один укол сделаем, и можете идти. Только, пожалуйста, девушка, миленькая, умоляю: наденьте наконец тапочки.

Медсестра, всё это время следившая за показателями на мониторе, тяжело вздохнула. Она почти не разговаривала, но по лицу было видно: болтовня Дарсии утомила её.

— А что не так с его состоянием? — осторожно уточнила Дана.

— А, так вы не знаете? — удивился доктор. — Ну, об этом я с вами говорить не могу. Врачебная тайна, знаете ли.

Дана и не надеялась что-то узнать, но попытаться стоило.

О неудачной мутации Раэля она слышала. Впрочем, это не имело для неё особого значения. А вот за Стефана она переживала, точнее, за его несостоявшуюся церемонию с Вилорой. Или всё-таки состоявшуюся? Как вообще Вилора всё это пережила?

Медсестра поднялась, взяла со стола шприц и сняла защитный колпачок. Дана посмотрела на тонкую иглу, и сердце неожиданно ёкнуло.

Каким бы подготовленным бойцом ни была Дана, перед уколами она по-прежнему замирала и крепко зажмуривалась, только бы не видеть, как тонкое остриё входит под кожу. Казалось бы, чем её ещё можно напугать? Но, как ни странно, перерубить себе руку оказалось проще, чем спокойно смотреть на шприц.

Медсестра закончила быстро. После этого почти сразу вышла из палаты, не сказав ни слова. Будто боялась, что доктор снова начнёт говорить. Не с ней, так в её присутствии.

— Ну что, девушка, на сегодня я с вами закончил, — сказал Дарсия. — Если что-то беспокоит, обращайтесь. Буду рад помочь. Кстати, хотел спросить: вы ведь были на празднике? Если участвовали в сражении, можно подать заявку или проверить, не подали ли её за вас. Для всех пострадавших проведут отдельную церемонию. Так что не переживайте. И своему Стефану скажите.

Дана поперхнулась от возмущения.

— Да я не... Вы не так поняли.

Она быстро поняла: с таким длинным языком, как у Дарсии, стоит ему что-нибудь неправильно истолковать, и к концу дня об этом будет знать всё отделение. Если не весь город.

— Да всё я понял. Мне, знаешь ли, лет сколько...

— Он с моей сестрой.

— А-а-а, ясно. Ну ладно.

Дарсия тут же отвёл взгляд. Его маленькие карие глазки забегали, словно он пытался найти на полу срочное и очень важное дело. Доктор вскочил, поправил очки и с деловитым видом выскочил из палаты.

Дане тоже хотелось броситься следом, но она медлила. Во-первых, ей совсем не улыбалось идти рядом с болтливым доктором. Во-вторых, после его недвусмысленных намёков на душе стало неуютно. К тому же её сковывало странное, ничем не объяснимое предчувствие беды. Не планетарного масштаба, конечно — кхтаров это уже не касалось. Но внутри всё ныло так, будто кто-то медленно, ложка за ложкой, выедал из неё спокойствие.

Наконец, Дана открыла тумбочку, стоявшую у кровати. Внутри лежали те самые тапочки, о которых твердил Дарсия, аккуратно сложенная одежда и её коммуникатор.

Она надела тапочки, провела пальцами по холодному корпусу коммуникатора и только теперь заметила, что на экране мигает несколько пропущенных сообщений.

Вещи в палате не могли материализоваться из ниоткуда. Их привезла Вилора. Дана узнала об этом из сообщения. Сестра коротко отчиталась о визите и попросила связаться с ней, как только Дана придёт в себя. Дана набрала её по видеосвязи, но Вилора не ответила.

Палата Стефана действительно находилась через две двери направо, как и сказал доктор Дарсия. Только добраться до неё оказалось не так просто.

На полпути Дана столкнулась с Кайли. Та стояла в дверях палаты Аттерли и оживлённо с ним беседовала. Дана не удержалась и тоже заглянула внутрь, но войти без приглашения не решилась. После их прошлой встречи в груди всё ещё шевелился неприятный осадок.

К её удивлению, Аттерли приветливо помахал ей рукой и улыбнулся, так мягко и ласково, что Дана растерялась. На больничной койке сидел вроде бы тот самый Аттерли, и в то же время — совершенно другой человек.

— Это я, между прочим, вас обоих в спасательный челнок перетащила, — сообщила Кайли. — Забегаю, значит, вся в поту в сектор Даны, а там, оказывается, она не одна. Как вспомню: лежите оба на полу, обессиленные, за ручки держитесь, а вокруг... кровища. Одна сплошная романтика.

Она игриво подмигнула Аттерли.

— Моей жене только ни слова, — наигранно взмолился он и тут же рассмеялся, похлопав себя по животу, особенно заметному под больничной пижамой.

Дана не знала, чему удивляться больше: добродушию маньяка-взрывателя или тому, что у него, оказывается, есть семья.

— Сколько у тебя личностей? — не удержалась она.

Аттерли мгновенно напрягся. По его лицу скользнула тень безумия. Он исподлобья покосился на Дану, резко подался вперёд и грубым голосом выкрикнул:

— Бу!

Дана отпрянула. Кайли тоже. Аттерли злобно расхохотался, а потом совершенно спокойно произнёс:

— Четыре. У меня четыре личности. И одна из них хочет вас всех взорвать.

— Он ведь шутит? — успела шепнуть Дана Кайли.

Та только пожала плечами.

— Шутит он, шутит, — писклявым голоском отозвался Аттерли.

— Девочки, дайте протиснуться, — послышался сзади женский голос.

Дана отступила, пропуская тучную, пышнотелую медсестру. Кайли тоже поспешила сдвинуться в сторону. Уже из коридора Дана заметила, как неожиданно преобразился Аттерли. В разговоре с медсестрой он вдруг стал непривычно милым и обходительным.

— Жена идёт, — неожиданно громко выпалила Кайли и тут же выскользнула в коридор.

Аттерли сперва испуганно дёрнулся, а потом с укоризной покосился на дверь, где Кайли с трудом сдерживала ехидный смехок.

— Вижу, у нашего героя прибавилось поклонниц, — раздался за спиной голос доктора Дарсии.

В ответ на замечание врача Аттерли весело хихикнул и покраснел. Этот непредсказуемый маньяк вдруг превратился в смущённого подростка, который не знал, куда девать глаза.

Дана невольно коснулась виска. А что, если она слишком сильно ударила головой, и всё вокруг — всего лишь галлюцинация?

Она уже собиралась уйти, когда едва не врезалась в одного из пациентов.

— Это адмирал Карстен, — шепнула ей на ухо Кайли.

Дана и раньше видела его на фотографиях. Однажды он даже приезжал в академию. Но сейчас узнать адмирала было непросто. Белки его глаз налились кровью, левую сторону лица покрывал ожог, уже затянувшийся плотной коркой. Было очевидно, что Карстен серьёзно пострадал, когда корабли первой линии накрыло энергетическим импульсом.

Досталось всем энергетикам. В решающий момент они не могли оставить посты и держали щиты до последнего.

— Рад приветствовать вас в здравии, — хрипло произнёс Карстен и закашлялся. По его измученному лицу было видно, какой ценой даётся ему каждое слово. — Дана, мои особые поздравления.

Он даже попытался поклониться ей, не отрывая одной руки от груди.

— Кхтары сбежали с позором.

Адмирал лично пожал Дана руку, сдержанно кивнул Кайли, помахал Аттерли и, тяжело опираясь на костыли, направился к процедурному кабинету.

Теперь Дана, наконец, могла идти дальше. Она всё ещё помнила, зачем вышла из палаты и куда направлялась, хотя больничный коридор упорно подбрасывал ей новые препятствия. Но едва она коснулась ручки нужной двери, как её снова окликнули.

Дана нехотя обернулась и встретила взглядом с незнакомым мужчиной. Вернее, почти незнакомым.

Его лицо она видела впервые, но светлые волосы, аккуратно собранные в хвост на затылке, сразу бросились ей в глаза. Они не были такими белыми, как у неё самой, но подобный оттенок всё равно считался аномалией. Осознание того, что она не одинока в своей особенности, отозвалось в груди неожиданным теплом. Дана никогда не считала себя уродкой, хотя подобные слова порой летели ей в спину.

Мужчина поздоровался, и Дана мгновенно узнала голос Тамерлана. Кайли тут же подтвердила её догадку: подошла к нему и будто невзначай коснулась его плечом.

— Рад, что ты в порядке, — сказал Тамерлан Дана.

— И ты совершенно точно придёшь к нам на свадьбу, — добавила Кайли, весело подмигнув.

— Встречаемся сегодня на закате у озёр, — подхватил Тамерлан, в глазах которого заиграли искры предвкушения. — Только мы, музыка и вся ночь в нашем распоряжении.

— Мы выкупили одну из самых уютных беседок... — начала Кайли, но её перебили.

— Я тоже хочу, — раздался голос из палаты Аттерли, заставив всех невольно обернуться.

— Только способности свои здесь оставь, — тут же ответил Тамерлан.

— И ты, мой пирожочек, пойдёшь обязательно, только укольчик поставлю, — в тон Аттерли пропела медсестра.

В палате карлика стало подозрительно тихо. Дана даже подумала заглянуть внутрь: мало ли, вдруг уже придётся оттирать кишки медсестры от потолка.

— Он просто уколов боится, представляете, — едва слышно сказала Кайли и прикрыла рот ладонью, чтобы её слова случайно не долетели до «взрывателя».

— Как же я его понимаю, — призналась Дана и сама невольно вздрогнула.

— Ой, да брось, — вмешался Тамерлан. — Ты ещё скажи, что уколы страшнее проклятых кхтаров.

— Кхтарам мы зад надрали? — спросила Дана и сама же ответила: — Надрали. А вот попробуй так с уколами. Вы сами-то как?

Они перекинулись ещё парой фраз, и тут Кайли расплылась в заговорщической улыбке.

— Ждём не дождемся бурной ночи, — тихо сказала она.

— Можно подумать, она у вас первая, — едва слышно заметила Дана.

Тамерлан тут же покраснел. Кайли опустила смущённый взгляд.

— У нас всё, в общем-то, нормально, — поспешно сменила она тему. — Отделались лёгкими ушибами.

— Да, нас уже выписывают, — поддержал её Тамерлан. — Ладно, ты ведь шла куда-то...

— Не будем тебя задерживать.

Тамерлан отступил и, чуть придерживая Кайли за локоть, притянул её к себе. Она тоже сделала шаг назад, а потом они и вовсе развернулись и быстро пошли по коридору.

Дана посмотрела им вслед. Она ведь ничего наверняка не знала. Просто предположила. Просто сказала вслух. А эти двое сами себя и выдали. Ну что ж, они в любом случае уже в браке, и вряд ли кто-то станет их осуждать.

Наконец, выяснив, кто где лежит, кого когда выписывают, а заодно получив приглашение на свадебное торжество Тамерлана и Кайли, Дана схватилась за ручку нужной двери и, забыв постучать, вошла внутрь.

Перед глазами всё ещё стояла эта целующаяся парочка.

Стефан даже не мог подобрать подходящего слова. Во всяком случае, приличного. Неприличных в голове вертелось слишком много, но он не был бы собой, если бы позволил себе охарактеризовать лучшего друга с неприглядной стороны. Ладно, Кайли — она девушка, ей ранимость свойственна по природе. А Тамерлан? Ну о чём он только думал?

Стефан попытался сосредоточиться на собственных ногах. Пальцами рук он уже шевелил более или менее уверенно, но нижнюю часть тела всё ещё не чувствовал, хотя с момента, как его доставили в больницу, прошло достаточно времени.

В голову закрадывалась мысль, от которой холодело под рёбрами: а если он больше никогда не сможет ходить?

Стефан упрямо гнал её прочь. Тем более доктор Дарсия заверил, что восстановление идёт по плану, помощь целителя не потребуется, организм справится сам. Оставалось только ждать.

Во время осмотра Стефан не удержался и слегка заглянул в мысли доктора, чтобы проверить, говорит тот правду или нет. Однако на самой поверхности сознания он не нашёл ничего полезного. Доктор мысленно напевал какую-то странную мелодию, которая тут же привязалась и к самому Стефану. А глубже лезть он побоялся: голова раскалывалась и без всяких телепатических контактов.

А теперь разболелась ещё сильнее.

И всё из-за Даны. Точнее, из-за реакции её головного мозга на внешнее вторжение. И дело было даже не в общей способности энергетиков перепутывать свои мысли в непонятно что, а именно в самой Дана. У неё была какая-то особая реакция, словно мозг самостоятельно вырабатывал антитела к внешнему раздражителю. Это и подкосило Стефана. Да и Раэля тоже, судя по тому, как технично он сбавил Дану на него.

При мысли о Дана Стефан потянулся к коммуникатору. Разблокировал экран и, наверное, в десятый раз за последние пятнадцать минут проверил сообщения.

Благодарственное письмо от руководства. Сообщение от Тамерлана. Хвалебная грамота за боевые заслуги. Ещё какая-то торжественная ерунда, до которой ему сейчас не было никакого дела. Да что там, даже парализованные ноги волновали его меньше, чем одна-единственная заявка на брак. Но её всё не было.

Вернее, заявка ещё висела в уведомлениях, но не от той, о ком Стефан думал.

Можно было бы списать задержку на технический сбой. Однако стоило их команде оказаться на поверхности Таласса, как Тамерлану мгновенно пришла заявка на заключение брачного союза от Кайли. Сразу же, едва они сошли со спасательного челнока, доставившего всех пятерых на планету в состоянии разной степени тяжести.

Стефан держался до последнего после тяжёлого боя. Только ради того, чтобы ответить Вилоре. Только ради того, чтобы увидеть её имя на экране и нажать подтверждение, прежде чем позволить себе провалиться в беспамятство.

Но отвечать оказалось не на что. Заявки от Вилоры так и не поступило. Неужели она передумала?

Кайли у всех на виду поцеловала своего новоявленного мужа в губы, а это, между прочим, выходило за все рамки приличия. И Стефан знал, что должен бы осудить их обоих. Должен бы мысленно перечислить все пункты кодекса общественного поведения, которые они нарушили. Должен бы возмутиться.

Но правда была в том, что он сам отдал бы что угодно, лишь бы Вилора точно так же поцеловала его у всех на глазах. Пусть потом пришлось бы платить штраф. Пусть. Зато она была бы рядом. Зато он был бы счастлив. И она тоже. Наверное.

А вместо этого он остался один. Его никто не встретил. Ему никто не ответил. И да, он завидовал Тамерлану. Что уж тут поделать.

В палату без стука вошла Дана.

Стефан и рад был её видеть, и в то же время боялся услышать от неё плохие вести. Она спокойно подошла к его кровати и села на стоявший рядом стул.

— Вилора мне не отвечает, — заявила она без предисловий. — Вы уже успели поругаться, пока я там лажала и подыхала? Что я пропустила? Она прислала тебе заявку?

Стефан нервно сглотнул. Он надеялся, что Дана прояснит ситуацию, но, похоже, она сама ничего не понимала. Неужели с Вилорой что-то случилось?

Он неопределённо пожал плечами.

— От неё никаких вестей, — выдавил Стефан.

Голос предательски дрогнул. Он мысленно выругался. Только разныться сейчас не хватало.

— Может, технический сбой? — осторожно предположила Дана.

— У меня висели две другие заявки. — Он снова проверил коммуникатор. — Точнее, уже не висят. Но дело не в этом.

— Ладно. Я всё же попробую с ней связаться. Поговорить. — Дана откинулась на спинку стула. — Когда нас выписывают?

Она выглядела абсолютно спокойной, и это раздражало. Конечно, ей было всё равно. Ей никто не отказал. Хотя Стефан знал, что Дана сама никаких заявок не подавала. Интересно, почему? Из-за внешности? Боялась, что ей откажут из-за её особенности? Хотя выглядела она явно лучше, чем тот же Аттерли.

— Меня вряд ли скоро выпишут, — сказал Стефан и снова попытался пошевелить ногой. — Кстати, ты не знаешь, как поживает наш маленький друг? — поспешно спросил он. — Ты ведь последняя была с ним там...

Стефан осёкся. Состояние Аттерли, если честно, волновало его не слишком сильно. Они познакомились только на последнем задании, и этот взрыватель уже успел ему поугрожать. Спросил он скорее затем, чтобы отвлечься от мыслей о Вилоре.

Но стоило вспомнить недавнюю космическую бойню, как внутри всё перевернулось. Стефан не участвовал в сражении напрямую, но видел его через сознания других членов команды. Его жизнь могла оборваться ещё вчера. А Вилора, судя по всему, даже не сочла нужным ответить.

— В своём репертуаре, — хмуро бросила Дана.

— Уже пригрозил кого-нибудь взорвать? — усмехнулся Стефан.

— Оу, — Дана многозначительно прищурилась. — Это на поле боя он весь из себя грозный. В обычной жизни — самый милый маленький пухляш.

Она наклонилась ближе и опасливо покосилась на дверь, словно ожидала, что Аттерли ворвётся в любую секунду и взорвёт палату вместе с ними.

— Медсёстрам глазки строит, мило улыбается. И не подумаешь, что он уже кого-то убивал.

Стефан поперхнулся.

— Никогда бы не подумал, что он такой в обычной жизни, — поражённо сказал он.

— Ты же был у него в голове, — искренне удивилась Дана. — Мог бы и глубже копнуть.

Стефан посмотрел на неё с лёгкой укоризной.

— Ой, да брось. — Она отмахнулась. — Можно подумать, все телепаты такие правильные и читают мысли только по особым случаям. Не надо мне тут невинность изображать.

Коммуникатор Даны резко вспыхнул. Она мельком взглянула на экран, и Стефану не нужно было читать её мысли, чтобы понять: что-то случилось.

— Это Вилора? — Он резко подался вперёд и едва не рухнул с кровати.

Дана успела его придержать. В этот миг Стефан заглянул ей в экран. Так поступать было нехорошо. Он это знал. Но удержаться не смог.

Да, в строке отправителя действительно стояло имя Вилоры. Она настрочила сестре огромное сообщение, и Стефан всё равно не успел бы прочесть его за тот короткий миг, пока Дана помогала ему удержаться.

Но он уже всё прекрасно понял. Если бы Вилора сочла нужным, она бы ему написала.

Сидя напротив Стефана, Дана всматривалась в его потухшие глаза. Её не покидало чувство, будто это она принесла дурные вести. Впрочем, Стефан не был глупцом. Он бы и сам всё понял, рано или поздно.

В нём словно погасили внутренний свет. Дана даже не знала, как объяснить это иначе. Ещё несколько минут назад он сидел перед ней усталый и раненый, но всё ещё живой. В его глазах теплилась надежда. Или упрямство?

Теперь исчезло и это.

Дана видела длинное сообщение от сестры. Хотела прочесть его сразу, едва коммуникатор тихо дрогнул у неё на запястье, но, разумеется, не при Стефане. Он уже понял, что Вилора передумала создавать с ним семью. Это поняла и сама Дана, хотя до последнего цеплялась за, казалось бы, логичные объяснения. Технический сбой, недошедшая заявка — оправданий можно было придумать сколько угодно, но правда лежала на поверхности.

Вилора даже не заглянула к нему в палату. А ведь Дана уже знала: сестра была в больнице. Приходила, когда сама Дана лежала без сознания.

— Я поговорю с ней, — тихо повторила она.

Стефан набрал побольше воздуха в лёгкие, словно собираясь выдать что-то грандиозное, но потом резко выдохнул, опустил глаза и лишь едва слышно произнёс:

— Не надо.

Дана покосилась на коммуникатор. Ей уже не терпелось прочесть письмо от сестры, но просто уйти, оставив Стефана одного, она не могла.

Рядом с ним ей было неуютно. Она не знала, как его поддержать, и в то же время чувствовала, что всё это не имеет к ней прямого отношения. Впрочем, решения сестры она тоже не понимала.

— Ладно, спасибо, что зашла, — сказал Стефан и попытался улыбнуться.

Казалось, он читает её мысли. Впрочем, почему казалось? Наверняка считывал те, что лежали на самой поверхности сознания. Но сказать что-либо не решался. А может, просто не хотел.

Дана поднялась.

— Кайли пригласила меня сегодня вечером на озёра, — сказала она, пытаясь сменить тему. — Они с Тамерланом выкупили беседку на всю ночь.

Она хотела отвлечь Стефана от разочарования и заставить его порадоваться за лучшего друга, но, по-видимому, только расстроила его ещё сильнее.

— Да, здорово, — равнодушно отозвался Стефан.

— Кайли сказала, что Тамерлан писал тебе, но ты так и не ответил.

Стефан сразу подобрался. На запястье вспыхнул экран коммуникатора; он вывел список непрочитанных сообщений, быстро пробежал глазами по строкам и остановился на имени Тамерлана.

— Не заметил, — сказал он.

Но так и остался сидеть на месте.

— Ты не будешь ему отвечать? — вкрадчиво уточнила Дана.

Стефан растерянно перевёл взгляд с экрана на Дану, будто ждал от неё подсказки.

— Я... потом отвечу, — выдавил он наконец.

— Ты издеваешься? — возмутилась она. — Ладно, я вас всех знаю совсем недавно, но вы же с Тамерланом друзья.

— Я... я приду... — через силу произнёс он. — Если меня отпустят... из больницы.

Дана смотрела на это длинное сообщение и не верила своим глазам. Ей казалось, что его написала не её горячо любимая сестра, а кто-то другой, а потом просто отправил с её коммуникатора. Дана и сама поверила бы в эту версию, если бы Стефан не подтвердил, что Вилора действительно не подала заявку. Точнее, подала, но потом отменила её, как выяснилось из последнего сообщения.

Дана собрала немногочисленные вещи: те, с которыми поступила в больницу, и те, что позже принесла Вилора. Затем поднялась с койки и решительно направилась к выходу. Её уже выписали.

Стефан пока оставался под наблюдением. Дана так и не решилась зайти к нему снова, поэтому просто спросила у Дарсии, как он себя чувствует. Доктор сначала нахмурился, потом посмотрел на неё с лёгкой укоризной.

— Эх, девушка... Сестра, я так полагаю, ваша его благополучно кинула, — заметил он и потёр ладони, будто собирался не диагноз ставить, а читать нравоучение. — Не знаю, как эта болезнь называется. Зато теперь понимаю, почему вам, молодым, твердят: до брака не надо. Вот не надо, и всё. А теперь он там лежит, страдает, с позором и без заявки.

Дана тут же пожалела, что обратилась именно к Дарсии. Лучше бы спросила у медсестры. У кого угодно. Даже у больничного робота. Тот, по крайней мере, не стал бы вплетать в медицинскую сводку моральные наставления.

У ворот больницы её уже ждала аэроcapsула. Дана без колебаний забралась внутрь и устроилась в салоне. Вдоль прозрачной стены тянулся широкий диван; она разложила его, превратив почти в кровать, и легла, поджав под себя ноги. Аэроcapsула тронулась плавно, почти бесшумно.

Дане хотелось, чтобы в голове стало тихо хотя бы на то время, пока автопилот будет вести её домой. Но мысли лезли сами собой. Предстоял тяжёлый разговор с Вилорой. Нужно было готовиться к торжеству. Нужно было выяснить, что делать со Стефаном. Нужно было держать лицо перед родными. Этих «нужно» было слишком много.

Хотелось просто лежать, смотреть на проплывающие пейзажи и ни о чём не думать. Но даже это оказалось непозволительной роскошью.

У дома её никто не встретил. Наверное, просто не знали точно, когда она приедет. И приедет ли вообще. Да и кроме Вилоры, её, пожалуй, никто особенно не ждал.

Может, родители даже потирали руки в надежде, что после сражения она вовсе не вернётся. Ни живой, ни мёртвой.

Как только она вышла, аэроcapsула закрыла двери и умчалась прочь. Служебный транспорт никогда не простаивал, а собственного у Даны не было: не успела приобрести, да и особой нужды прежде не возникало.

Она подошла к низкому штакетнику, едва достававшему ей до пояса, и толкнула калитку. Та отворилась со скрипом, но Дана так и осталась стоять на месте. Что-то внутри неё надломилось.

Сначала она даже не поняла что. Не смогла отделить усталость от обиды, тревогу от злости, страх от унижения. А потом увидела Вилору.

Сестра стояла на пороге дома и обнимала какого-то парня. И не просто обнимала.

Дана, солдат элитного отряда, участница сражения, которое наверняка занесут в учебники истории. Она, отразившая импульсный удар кхтаров, теперь стояла с открытым ртом у собственной калитки и беззвучно смотрела, как её сестра целуется с незнакомцем.

Наверное, жизнь становится легче, когда тебе дают чёткие инструкции и ставят конкретную цель.

А обычная жизнь состояла из людей с непонятными мыслями, из решений, не поддающихся расчёту, из поступков, которые невозможно предугадать. Эти люди то и дело сбивали Дану с толку. Обычная жизнь давалась ей куда тяжелее боя. Иногда Дана казалось, что вокруг разыгрывают нелепый спектакль, а ей одной забыли выдать текст роли.

Вилора наконец заметила сестру и, смутившись, отпрянула от парня. Тот тоже смешался, будто его застали на месте преступления.

И в некотором смысле так оно и было. Целоваться у всех на виду, даже просто держать кого-то за руку, считалось верхом неприличия. Любые чувства должны были оставаться между супругами и только за закрытыми дверями. Если же пара не состояла в браке, ни о какой близости не могло быть и речи. Запрещались даже прогулки наедине.

Но Вилора и этот парень не удержались. Впрочем, едва ли кто-то смог бы. Разве что люди постарше и помудрее владели собой лучше. Хотя дело, наверное, вовсе не в возрасте.

Парень выглядел смущённым и совершенно обыкновенным. Он был одного роста с Вилорой, рыжеволосый, с веснушками по всему лицу, такими же яркими, как и у неё самой. Мягкий, круглолицый, чуть пухлый. Дана уже догадалась, что перед ней Марк — новоиспечённый муж её сестры, о котором Вилора писала ей в сообщении.

Сестра выбрала его по результатам теста на совместимость, которые вскрыла в самый последний момент. До этого Вилора успела отправить всего пару заявок: сразу после того, как Дана и другие бойцы элитного отряда были вынуждены покинуть праздник и отправиться на защиту родной планеты.

Вилора помахала ей. Дана, всё это время стоявшая неподвижно у калитки, вдруг поняла, что ждала именно этого жеста. Как приглашения. Хотя никакого приглашения ей не требовалось: она приехала не в гости, а к себе домой.

Она заставила себя пройти вперёд. Вилора улыбалась смущённо, но счастливо. Щёки её покрывал румянец, глаза сияли, и в целом она выглядела до неприличия довольной. Праздник, значит, никто не отменял. Церемония Вилоры, вероятно, состоялась ещё вчера, ближе к обеду. А значит, всё, что должно было случиться между ней и Марком как между мужем и женой, уже случилось.

От этой мысли Дану кольнуло острое, почти постыдное разочарование. И обида. Не за себя даже, за Стефана. Хотя с чего бы ей вдруг переживать за его судьбу? Он поправится, встанет и пойдёт дальше. Наверное, переступит через себя, через свою гордость. Так же, как Дана сейчас переступила через свою и, натянув улыбку, поздоровалась с Марком.

На сестру она по-прежнему смотрела с холодным презрением. Здесь Дана пока ничего не могла с собой поделать.

— Приятно познакомиться, — тихо сказал Марк, всё ещё глядя себе под ноги.

Однако от Даны не укрылось, с каким странным подозрением он иногда бросал на неё быстрые взгляды. Такие взгляды были ей знакомы. На неё часто так смотрели. На мутантов с явными телесными увечьями — и то реже. От них, по крайней мере, обычно просто отворачивались из вежливости. А у Даны никаких видимых увечий не было. Она просто была некрасивой, но научилась жить с этим спокойно и почти не обижалась. До сегодняшнего дня.

Сейчас вдруг стало обидно. Так, что захотелось сорвать злость на ком-нибудь. На этом милом пухлом парнишке, который прижимал к себе её сестру, хотя на его месте должен был стоять совсем другой человек.

Дане стало горько. Не только за себя. За Стефана. За других бойцов элитного отряда. За тех, кто бросил всё, рисковал жизнью, пожертвовал возможностью завести семью, пока остальные продолжали праздник. И ради чего? Чтобы такие, как Вилора, спокойно вили свои гнёзда и радовались жизни? Заслужила ли её сестра это счастье?

У Даны буквально всё было написано на лице. Возможно, она и пыталась скрыться за притворной улыбкой, но та больше походила на хищный оскал. Она вежливо поздоровалась, представилась, и всё же голос её надломился на середине фразы.

Вилора, зная сестру слишком хорошо, сразу всё поняла. Другой реакции она и не ждала.

Для Даны происходящее выглядело очевидным предательством. И, пожалуй, она имела право так считать. Ей придётся смириться с решением Вилоры, потому что изменить его уже невозможно. Слишком поздно. Да и оправдываться за свой выбор Вилора не собиралась.

Она молча подошла к Дане, забрала у неё пакет с вещами и направилась к дому.

Марк отступил, пропуская сестёр вперёд, и вошёл последним. Он закрыл за ними дверь и, кажется, не заметил, с какой неприкрытой злобой Дана посмотрела на Вилору.

Вилора выдержала этот взгляд. Даже не испугалась. Они ещё поговорят. Всё обсудят. Вилоре хотелось в это верить, потому что единственное, о чём она сейчас жалела, так это о том, что Дана могла её не простить.

Ульрика сидела в общей комнате и приветливо махнула им рукой. Её большая, отяжелевшая фигура была видна из дверного проёма. Она устроилась в мягком кресле и без необходимости уже не вставала.

Вилора отвлеклась на старшую сестру и попыталась прочувствовать её состояние. Та вот-вот должна была родить. Малыш был уже на подходе, и Вилора это чувствовала.

Когда-то ей не хватило способностей, чтобы поступить на службу в элитный отряд, но теперь она была этому даже рада. Работа целительницей в местной больнице вполне её устраивала в отличие от безумных побоищ на периферии космоса с инопланетянами, которые никогда не заканчивались ничем хорошим.

С Ульрикой всё было в порядке — насколько это вообще возможно на последних сроках беременности. А вот с Даной — нет. И дело было не только в её настроении.

Вилора уловила след тяжёлой травмы. Она тянулась за Даной глухой болью. Травма не зажила до конца и, скорее всего, мешала сестре пользоваться способностями. Что ж. Возможно, это было даже к лучшему. По крайней мере, сейчас Дана не была так опасна, как обычно. И вряд ли натворила бы глупостей.

Сверху раздался детский смех. Акси́нья сбежала по лестнице и, хохоча, подскочила к Ульрике. Ещё мгновение, и она плюхнулась бы той прямо на живот, но Ульрика успела перехватить младшую сестрёнку за плечи.

— Милая, я же просила так не делать, — устало напомнила она.

Акси́нья посмотрела на неё с совершенно серьёзным видом.

— Когда он выйдет из домика? Я хочу играть с тобой, как раньше.

— Акси́нья, прекрати немедленно, — резко осадил её Вилора. Потом обернулась к лестнице и повысила голос: — Мама, я же просила тебя поговорить с ней! Ты ею совсем не занимаешься.

Акси́нья ткнула в Вилору пальцем и показала язык.

— Скоро и ты будешь такая же пузатая и некрасивая! — выпалила она.

Затем скорчила рожицу Дана:

— Ой, страшилка вернулась.

Рассмеявшись, она пробежала мимо них и выскочила на улицу.

Дана, казалось, не обратила на младшую сестру внимания. Раньше она тоже не обращала. Акси́нья любила передразнивать всех подряд, и отчасти в этом была вина матери, которая слишком многое ей позволяла. Но на этот раз Вилора заметила, что пульс Даны, обычно ровный в подобных ситуациях, резко подскочил. Значит, сестра всё-таки занервничала.

Вилора шагнула к ней, желая обнять, но Дана резко отдернула руку, насупилась и прошла в общую комнату. Там она опустилась в кресло рядом с Ульрикой.

— Эй, всё хорошо? — тихо спросил Марк, остановившись возле Вилоры.

Она посмотрела в его карие, полные нежности глаза и кивнула. От одного его присутствия стало немного легче.

— Как ты? — спросила Ульрика. Она обращалась к Дана. — Слышала, у тебя была тяжёлая травма.

Сверху слышались быстрые шаги.

— Где Акси́нья? — раздался голос матери.

Та спустилась со второго этажа с полотенцем на голове. Бегло окинула взглядом Дану и, даже не поздоровавшись, сразу повернулась к Ульрике:

— Я же просила за ней присмотреть!

— Ты издеваешься? — резко вступилась за сестру Вилора.

Она вошла в общую комнату и остановилась у подножия лестницы, глядя на мать в упор. Та тут же осеклась, поджала губы и молча поднялась обратно.

Мать никогда их не любила. Кажется, она даже не испытывала к ним ненависти, особенно к Дана. Просто была совершенно холодна. Вилора не винила её. В конце концов, они с Даной не были ей родными. Но за Ульрику становилось немного обидно, хотя ту обожал собственный муж. Пожалуй, даже Марк не смог бы любить Вилору также сильно...

«А Стефан смог бы?» — внезапно промелькнуло у неё в голове.

Вилора едва заметно тряхнула головой, отгоняя эту мысль, и посмотрела на Марка. Он вошёл следом, остановился рядом, и на душе у неё снова стало спокойно.

— Но ты так и не ответила, — мягко напомнила Ульрика.

Дана слабо улыбнулась.

— Я слышала, ты у нас теперь герой, — сказала Ульрика. — Поздравляю.

Дана застыла, словно что-то внутри неё оборвалось. Вилора никогда прежде не видела двойняшку такой. Даже Ульрика, обычно невозмутимая, заметно напряглась.

Дана смотрела в пол. Не просто смотрела, её взгляд метался по мягкому ворсу ковра, словно там, между переплетёнными нитями, двигалось что-то видимое только ей.

Вилора почувствовала, как у Даны учащается пульс. Дана вздрогнула, будто её окликнули, и слишком быстро поднялась.

— Я сейчас. Мне нужно переодеться, — бросила она и почти бегом направилась к себе.

Её комната находилась на первом этаже, сразу за лестницей.

— Это отголоски боя, — услышала Вилора за спиной голос Марка. — Такое часто случается после тяжёлых травм. Возможно, кто-то пострадал у неё на глазах. Или погиб. В любом случае ей нужна помощь.

В одно мгновение он превратился из милого пухляша в настоящего профессионала. Природа не наделила Марка выдающимися способностями, и всё, чего он добился, было результатом упорного труда. Именно это и зацепило Вилору, когда ей пришлось в экстренном порядке подбирать новых кандидатов. К тому же тест на совместимость показал: их характеры и жиз-

ненные цели совпадают более чем на девяносто пять процентов — результат куда более впечатляющий, чем в случае со Стефаном.

И вот она снова думает о Стефане.

— Ты ей нужна, — тихо шепнул Марк ей на ухо, а Вилора будто ждала именно этих слов.

Дана замерла перед зеркалом, всматриваясь в своё отражение так пристально, будто пыталась найти в нём подтверждение тем изъянам и уродству, которые окружающие так упорно приписывали ей.

В дверь негромко, но уверенно постучали. Дана не ответила. Она и без того знала, кто пришёл. Вилора. Больше было некому. К ней почти никто не заходил, кроме двойняшки.

Сейчас Дана не хотела её видеть. Не хотела смотреть на Вилору, с которой прежде была так близка и которую теперь совершенно не понимала. И всё же какая-то часть её отчаянно желала остаться с сестрой наедине. Выплеснуть всё то, что накопилось.

Она имела право на ответы. Наверное, как и Стефан, с которым Вилора так и не объяснилась. Почему?

Дверь открылась. Вилора, по-видимому, так и не дождавшись приглашения, вошла сама. Она не стала мяться на пороге, не опустила виновато глаза, не произнесла ни слова оправдания. Просто прикрыла за собой дверь, прошла в комнату и села в кресло напротив.

В каждом её движении сквозила спокойная уверенность. Она ни о чём не жалела. И это пугало Дану сильнее всего. Что же с ней случилось? Что заставило Вилору так резко изменить решение?

— Уже провела бурную ночьку со своим новым мужем? — спросила Дана, не отрывая взгляда от зеркала.

Вилора, кажется, даже не смутилась.

— Между нами пока ничего не было, — ровно ответила она. — Мы просто разговаривали. Всю ночь. Знаешь, я даже не уверена, что у нас что-то получится. Может, мы не подойдём друг другу, и на следующий год я снова окажусь среди невест на празднике.

— Я не понимаю тебя.

— Скорее уж я тебя, — твёрдо сказала Вилора.

Дана резко повернулась к ней. Но Вилора не вздрогнула и не отвела взгляда. Она сидела спокойно, будто заранее была готова ко всему, что услышит.

— Я читала новости, — продолжила она. — Бой был тяжёлым. Есть погибшие. Можешь говорить всё, что хочешь, Дана. Я выслушаю. Осуждать не буду.

Дана сжала пальцы так, что ногти впились в ладони. На мгновение ей захотелось рассмеяться. Осуждать не будет. Надо же какое благородство.

— Помнишь, что ты сказала мне перед тем, как уйти с праздника? — тихо спросила Вилора. — *«У тебя есть время подумать, нужно ли тебе такое счастье»*...

— И ты подумала, — глухо произнесла Дана.

Когда она бросила эти слова в спешке, почти на бегу, то даже не предполагала, что Вилора воспримет их настолько серьёзно. Теперь же всё вдруг становилось на свои места. Выходит, Дана сама подтолкнула сестру к этому решению.

— Вили, но ты даже не объяснилась со Стефаном, — сказала она уже тише. — Ты могла хотя бы навестить его. Сказать ему всё прямо.

— Я не обязана была этого делать, — сухо отрезала Вилора.

Дана медленно опустилась на край кровати. Внутри всё неприятно сжалось.

— Я знаю, — тут же поспешила объясниться Вилора. — Со стороны это, наверное, кажется ужасным, но просто пойми меня. Дело в том, что Стефан ни словом не обмолвился о

том, что входит в элитный отряд. Хотя мог бы предупредить. Знаешь, я бы никогда осознанно не выбрала в мужья мутанта. Это моя позиция. Ну, раз уж так сложилось, я в него влюбилась, чувства оказались взаимными и вроде бы ничего страшного — можно смириться, правда? Но есть один маленький нюанс. И если посмотреть на него под определённым углом, становится ясно, что он не маленький, Дана! — она сделала особый акцент на последней фразе, едва ли не выкрикнув её, так что Дана от неожиданности даже чуть подпрыгнула.

— Ты сказала, он телепат! — бросила ей в лицо Вилора.

Дана непонимающе смотрела на сестру. Вилора никогда прежде не выказывала такой ненависти к этому подразделению. Конечно, телепатов любили далеко не все: кому захочется, чтобы кто-то влез в твои мысли, перевернул всё вверх дном, а затем спокойно ушёл в закат со словами: «Так оно и было, я тут ни при чём».

Но отсутствие ненависти ещё не означало симпатии. И странно, что Дана не подумала об этом сразу. Возможно, сказывалась травма: при падении она сильно ударилась головой.

— Если тебе интересно, я уже написала Стефану, — продолжила Вилора. — Подробно объяснила, почему ушла. Дело даже не только в том, что он скрыл свою причастность к элитному отряду. Само по себе это, может быть, и не стало бы решающим: он мне действительно нравился. Но я почти уверена, что он заглядывал в мои мысли. Знал, как я отношусь к телепатам, и всё равно счёл нужным промолчать.

Вот это было серьёзно. Будь Стефан рядовым телепатом, Дана, наверное, ещё попыталась бы за него заступиться. Но во время столкновения с кхтарами она убедилась, что он куда сильнее, чем, возможно, даже сам осознавал. Стефан считывал мысли, всплывавшие на поверхности сознания, и это лишь отчасти его оправдывало: при таком уровне дара он мог улавливать их произвольно.

Но точно так же, общаясь с Вилорой, он мог уловить её страх, неприязнь, жизненную позицию, и всё равно умолчать о себе самое важное.

— А навещать я его не стала, потому что испугалась, — словно отвечая на её мысли, сказала Вилора. — Вдруг он залезет ко мне в голову и что-нибудь там исправит.

— Стефан бы так не сделал, — тихо произнесла Дана. — Он хороший парень.

— Марк тоже хороший парень.

Напряжение постепенно отпускало Дану. Ей всё ещё казалось, будто она там, в космосе, сражается с кхтарами. Она никак не могла собраться с мыслями и вернуться к реальности, до конца не осознавая, что сражаться больше не нужно.

Она переоделась в свой лучший наряд. Больше никакого белого платья. Только строгий белоснежный костюм с корсетом на талии.

На Талассе белого цвета в одежде было достаточно, чтобы обозначить статус свободной девушки, а брюк — чтобы подчеркнуть нежелание в ближайшее время менять этот статус. Девушки, готовые к браку, как правило, носили платья и юбки, но Дана поймала себя на мысли, что, даже если когда-нибудь решит связать себя узами брака, всё равно не изменит привычкам и до последнего будет ходить в брюках. Разве что на само торжество пришлось бы явиться в свободном светлом платье — исключительно как дань традиции. В брюках её не пустили бы даже на арену, поскольку она женщина, хотя для бойцов элитного отряда нередко делали исключения.

Вилора аккуратно расчесала сестре волосы, а затем уложила их в своеобразный венок, сплетя из светлых прядей изящные лепестки и закрепив их шпильками. Дана не сопротивлялась. Сама она ни за что не смогла бы соорудить на голове такую красоту.

— Марк не будет за тебя волноваться? — спросила она.

Ей казалось, что Вилора провела в её комнате целую вечность, и это вполне могло обеспокоить её мужа.

— Не переживай, — задумчиво отозвалась Вилора, заправляя непослушную прядку. — Пока мы тут мило беседовали, он уже написал, что уехал в город за продуктами.

— Жаль, что я не присутствовала на твоей церемонии, — с горьким вздохом произнесла Дана.

— Ой, да брось. На пышный банкет у нас всё равно денег не было.

Вилора поправила Дана воротник, бережно разгладила складки блузки на спине, отступила на шаг и придирчиво окинула сестру-двойняшку взглядом.

— Ты великолепна, — совершенно серьёзно сказала она.

— Вили, перестань, — отмахнулась Дана. — Мы обе знаем правду. Можешь мне не льстить.

— Я и не льщу. Объективно ты ничуть не хуже остальных красавиц.

— Я блёклая и тощая, — заметила Дана.

— Так я тоже худая, и ничего, живу как-то, — парировала Вилора.

— Да у меня даже веснушек нет... а глаза эти... Просто кошмар. Помнишь, что обо мне говорили?

— «Жертва химической атаки»...

Комнату заполнил звонкий, переливчатый девичий смех, на мгновение вытеснив все тревоги. Но идиллия длилась недолго: дверь приоткрылась, и на пороге показалась мать.

— Дана, там у ворот стоит чёрная аэрокапсула. Явно за тобой, — приглушённо произнесла она, даже не пытаясь скрыть недовольство.

Она не любила, когда за дочерью приезжал служебный транспорт, а после того, как Дана окончила академию и поступила на службу, это стало происходить гораздо чаще.

— Я сейчас выйду, — сдержанно отозвалась Дана.

— Да уж постарайся, — бросила мать и скрылась за дверью.

В её голосе сквозило глухое раздражение, которое, впрочем, она тщательно пыталась скрыть за притворной улыбкой.

Вилора легонько ткнула сестру локтем под рёбра.

— Вили, ну за что? — возмутилась Дана, потирая ушибленный бок и картинно дуясь на двойняшку.

— Чтобы не раскисала, — Вилора на мгновение замолчала, а затем добавила уже гораздо тише: — Когда ты вернёшься, меня, скорее всего, дома уже не будет.

— Почему? — Дана мгновенно подобралась.

— Я ведь теперь замужем, дурёха, — ласково улыбнулась Вилора, бережно поправляя выбившийся локон сестры.

Дана осторожно прижала ладонь к виску. Голова всё ещё отзывалась редкими колющими вспышками боли, но в целом она чувствовала, что силы после недавних событий почти вернулись.

— Церемония состоялась только вчера, а твой новоиспечённый муж уже начинает меня раздражать, — недовольно буркнула Дана.

Она сказала это скорее в шутку. Просто они с Вилорой почти никогда не расставались. В детстве вместе ходили в школу, а когда выросли, их пути немного разошлись: Дана поступила в академию при элитном подразделении, а Вилора — в медицинский университет, где её дар целительницы пришёлся как нельзя кстати.

Но даже тогда они умудрялись каждый вечер проводить вместе. Эта традиция бережно сохранялась и во взрослой жизни. Казалось, ничто в мире не способно встать между ними. Однако теперь их привычный мир дал трещину.

Дане и в голову не приходило, что после замужества Вилоры они станут видеться ещё реже. Скорее всего, сестра переедет к мужу, а может, и вовсе вскоре решит обзавестись детьми. Тем более что через сто дней начинается Сезон Цветения. Это не означало вечной разлуки, но их прежней связи пришёл конец.

Теперь Дана остро ощущала себя в родительском доме совершенно посторонней, вторгшейся на чужую территорию. И это несмотря на то, что мать с отцом когда-то сами решили вырастить *чужих детей*. Их никто не заставлял, но Дане с Вилорой никогда не давали забыть, что они *неродные*.

Дана понимала, что мать и Ульрику-то не особенно жаловала, а по-настоящему любила и баловала только Аксинью. Может, именно поэтому та и росла такой вредной.

— Представь, если бы на месте Марка оказался Стефан, — внезапно сказала Вилора. — Ты бы его презирала за то, что он отнял у тебя сестру. А теперь представь, что тебе ещё и работать с ним. Ненавидела бы собственного коллегу...

Она произнесла это буднично, будто ничего особенного, и рассмеялась.

Дана вздрогнула. Смысл слов дошёл до неё не сразу, но затем она уловила скрытую издёвку. Ей уже хотелось возмутиться, сказать, что такого быть не может и что Стефана ей ненавидеть совершенно не за что. Но в следующую секунду она осеклась.

— Вилора, — в комнату снова заглянула мать. На этот раз она выглядела не раздражённой, а взволнованной. — Ты не могла бы... глянуть Ульрику? — Голос её дрогнул.

Вилора без лишних расспросов сорвалась с места. Ещё мгновение назад она стояла рядом с Даной, а теперь её быстрые шаги уже гулко отдавались в коридоре. Дана тоже не осталась в стороне и поспешила следом.

Ульрика застыла у окна, судорожно вцепившись в подоконник. Из её груди вырывались хриплые стоны. Лицо полыхало, влажные пряди волос облепили виски, а пальцы побелели от напряжения. Даже без врача было ясно, что у неё начались роды.

— Я могу чем-то помочь? — испуганно спросила Дана.

Она видела, как тяжело Ульрике, как та пытается дышать ровно и не может, и ей вдруг стало не по себе от чужой боли. Даже при столкновении с кхтарами Дана чувствовала себя спокойнее, чем сейчас, глядя на сестру, мучившуюся от схваток.

— Ты можешь убрать свой служебный транспорт от дома? — вмешалась мать, уже повысив на неё голос.

— Мы сейчас поедem в больницу, — спокойнее сказала Вилора. — Не переживай. Она подошла к Дане и коротко сжала её руку. — А ты поезжай на торжество. Ты это заслужила.

Дана улыбнулась, подошла к Ульрике и тихо спросила:

— Тебе уже лучше?

Ульрика выпрямилась и облегчённо выдохнула.

— Ненадолго, — сухо ответила она.

— Интервал пока минут пятнадцать-двадцать, — вмешалась Вилора.

Дана всё равно не поняла, о каком интервале идёт речь.

— Удачи тебе, — произнесла она, погладив Ульрику по плечу.

— Ой, уже иди давай отсюда, — прикрикнула на Дану мать. — И транспорт свой убери, наконец. И без него тошно.

Дана кивнула и поспешила к выходу.

— Хорошего вечера, — бросила ей вслед Вилора.

Глава 4. Единение с матушкой природой

Стефан держался чуть в стороне.

Гостей собралось неожиданно много, и он не хотел никому мешать. Впрочем, была и другая причина. Ноги всё ещё плохо слушались, поэтому Стефан передвигался на парящей платформе, сидя в мягком кресле с высокими подлокотниками. Кресло-платформа было удобным, устойчивым и почти бесшумным, но отнюдь не маленьким: протискиваться на нём сквозь толпу было бы непросто.

— Эй! Эй, — тихо окликнул его Тамерлан.

Он прятался в кустах у живой изгороди, облачённый в чёрный церемониальный костюм, полностью скрывавший его фигуру и лицо. В сумерках он казался уже не человеком, а просто тенью.

Стефан развернул платформу и подлетел ближе.

— Мне это... надо тут застегнуть, короче, — бросил Тамерлан и повернулся к нему спиной.

На спине у него разошлась молния. Тамерлан пытался дотянуться до бегунка, но плотная ткань стягивала плечи, не позволяя как следует вывернуть руку. Впрочем, Стефан едва ли справился бы лучше: подвижность пальцев уже вернулась, но всё, что требовало точности, вроде скрытых застёжек, по-прежнему давалось ему с трудом.

— Твою ж... — выругался Тамерлан и осёкся: к ним приближался кто-то из гостей.

— Помочь? — тут же предложил коренастый рыжеволосый парень.

— Да, давайте, — злобно прошипел Тамерлан. — Уже хоть что-нибудь с этим сделайте. Я задолбался. Кто вообще придумал эти идиотские костюмы? Почему нельзя просто выйти как нормальный человек?

Он ругался всё то время, пока гость возился с молнией, и, даже когда тот наконец справился с застёжкой, продолжал ворчать себе под нос.

— Это дань уважения традициям, — попытался успокоить его Стефан.

— В задницу традиции, — раздражённо бросил Тамерлан. — Вот поэтому ты мой лучший друг. Кто ж ещё, кроме тебя, будет вечно выедать мне мозг чайной ложечкой из-за всех этих традиций?

— Иногда можно и потерпеть, — заметил гость.

Тамерлан медленно повернул к нему голову. Из-за чёрной ткани лица видно не было, но даже по этому движению становилось ясно: совет оказался не ко времени.

— Слышь, мудрец, — процедил он, — ты мне только нравоучений не читай. Оставь это Стефану. Он у нас телепат.

Гость побледнел и с нескрываемым ужасом перевёл взгляд на Стефана.

— Это шутка? — уточнил гость.

Когда-то Стефан верил, что его способности — великий дар. Реальность оказалась куда циничнее.

Именно эти способности стоили ему личного счастья. В больнице от него шарахался даже персонал. Достаточно было одного взгляда в медицинскую карту, где на главной странице, в характеристиках, чёрным по белому, почти как приговор, значилось: «ТЕЛЕПАТ». Теперь, похоже, то же самое ждало его и на свадьбе друга.

Стефан почти не сомневался, что этот гость сейчас вернётся к остальным и всем растреплет, что на свадьбе присутствует телепат. Ещё и пальцем покажет для достоверности. Чтобы уж наверняка никто к Стефану не подошёл.

Пусть обходят стороной. Может, так даже лучше. Не придётся притворяться вежливым.

— Фух, блин, — выдохнул Тамерлан, когда гость отошёл. — Думал, сейчас совсем порвётся.

Он немного расслабился, но лишь внешне. Стефан осторожно коснулся его мыслей, и этого оказалось достаточно, чтобы почувствовать густой, тягучий ком тревоги.

— Почему ты так нервничаешь? — удивился Стефан.

Тамерлан нервно хмыкнул.

— Мысли мои читаешь?

— Я почувствовал. Не читал.

— Ага, конечно. — Тамерлан мотнул головой. — А что, нельзя понервничать на собственной свадьбе?

— Но вы ведь уже в браке, — напомнил Стефан. — Эта церемония не более чем формальность.

— И что? — воскликнул Тамерлан. — Думаешь, теперь все проблемы закончились?

Они замерли на идеально ровном бархатистом газоне у живой изгороди, вдоль которой в сумерки уходила узкая тропинка. По другую сторону высились вековые деревья — безмолвные свидетели церемонии. Их кроны терялись в темнеющем небе. За плотными сплетениями листвы уже угадывался блеск озёрной глади.

Над головами плавно покачивались парящие фонари. Их мягкий свет выхватывал из темноты чёрный силуэт Тамерлана и кресло Стефана.

— Пойти утопиться, что ли? — небрежно бросил Тамерлан.

— Чур, я с тобой, — устало буркнул Стефан.

Тамерлан резко повернулся к нему. Лица под плотной тканью не было видно, но Стефан понял: друг удивлён. Затем Тамерлан неловко похлопал его по плечу.

— Послушай, — сказал он уже тише. — Ты не расстраивайся. Поверь, найдётся ещё девушка, которая тебя полюбит. Просто Вилора, видимо, не твоя. Вот и всё. Смирись.

Стефан сжал пальцы на подлокотнике.

Он снова вспомнил тайные прогулки с Вилорой у озёр. Молочную дорожку лунного света на воде. Её смех. Тёплые пальцы, ненадолго задержавшиеся в его ладони. Как же хотелось выжечь эти воспоминания из памяти, стереть из них её лицо, её голос, её обещания. Но вместе с ними исчезли бы и те редкие мгновения, когда он был по-настоящему счастлив. Не осталось бы ни Вилоры, ни призрачной надежды на счастье. Ничего.

И с Даной он тогда, возможно, не познакомился бы. А так хотя бы знал, с кем ему предстоит работать. Стефан нахмурился. При чём здесь вообще Дана?

— Что за... — вырвалось у него.

Тамерлан застыл.

— Чё?

— Я ищу другого телепата, — медленно сказал Стефан, прислушиваясь к странному ощущению на краю сознания.

— Какого ещё другого телепата? — Тамерлан раздражённо выдохнул. — Здесь и тебя одного достаточно. Прекрати это. Терпеть не могу, когда ты пользуешься своими способностями.

— Кто-то же мне это внушил.

— Что именно?

Стефан не сразу ответил. Мысль о Дане возникла слишком внезапно, будто её подбросили извне.

— Угомонись, а? — небрежно бросил Тамерлан. — Бешеного телепата у меня на свадьбе ещё не было. Может, ты сам себе всё и внушил.

Там, где дорожка вела к садовой беседке и собирались гости, заиграла музыка.

— О, смотри лучше, — сказал Тамерлан и вытянул шею, пытаясь разглядеть происходящее сквозь сетку маски. — Сейчас моя пойдёт.

Он, наверное, улыбнулся. Хотя почему «наверное»? Стефан и так знал, как сейчас стоит и лыбится во весь рот этот здоровенный, крепкий мужик. Того и гляди ещё слюни пустит.

Стефан поморщился. Почему он просто не может закрыться от всего этого?

— Может, подойдём ближе? — спросил Стефан.

— Не-а, — отозвался Тамерлан, не отрывая взгляда от толпы. — Мне туда пока нельзя.

Стефан не понаслышке знал, как тяжело находиться в церемониальных масках. Они сильно отличались от тех, что использовали в бою. Боевые модели обеспечивали широкий обзор, оснащались дополнительными камерами, подсветкой и выводили перед глазами тактические подсказки.

Традиционная же маска, в которой сейчас стоял Тамерлан, только сужала поле зрения. Ни о каких камерах не шло и речи. Просто плотная ткань и узкая сетка для глаз, через которую почти ничего не удавалось разглядеть.

И как бы Тамерлану ни хотелось снять эту проклятую тряпку, правила приличия не позволяли. К тому же каким бы отбитым и безбашенным он ни был, портить свадьбу собственной, теперь уже законной, жене он не собирался.

Отчасти потому, что Кайли за такое в лучшем случае просто покалечила бы его. А потом, конечно, собрала бы обратно по кусочкам. Всё-таки она была целительницей.

Со стороны беседки донеслись восторженные крики и аплодисменты. Гости бурно встречали невесту.

— Зачем они так кричат? — удивился Стефан.

Он никогда не любил шумных торжеств и сейчас был почти благодарен за возможность держаться с другом поодаль от всей этой суеты.

— Считается, чем громче гости встречают молодую жену, тем счастливее будет её брак, — раздался позади знакомый голос.

Дана не хотела их пугать. Так уж вышло.

Она была уверена, что безнадежно опаздывает, и, в общем, не ошиблась. К выходу невесты Дана всё-таки успела, но оказалась не среди гостей, а чуть в стороне, у самого края церемониальной площадки. Это её ничуть не огорчило.

Дана не любила многолюдные мероприятия. В толпе она постоянно ловила на себе любопытные взгляды и отчётливо слышала перешёптывания. Те, кто украдкой обсуждал её внешность, почему-то были уверены, что Дана ничего не замечает.

Но она замечала всё: каждую издевательскую ухмылку, каждый быстрый взгляд исподлобья, каждое колкое слово, сказанное вполголоса за её спиной. Она просто научилась с этим жить.

— Надо подойти ближе, — заметила Дана.

— Да ну на фиг надо...

— Я туда не хочу...

Дана предположила, что Тамерлан просто волнуется перед выходом. По традиции, после того как гости поприветствуют невесту и пожелают ей долгой счастливой жизни, она должна будет пригласить мужа на праздник, тем самым позволяя ему приблизиться к себе.

Позже Кайли могла позволить Тамерлану снять маску. Или не позволить, смотря, как они договорились заранее. Дана слышала, что некоторые женихи проходили всю церемонию, так и оставаясь за чёрной тканью.

Даже Дана считала этот обычай пережитком, тех времён, когда люди ещё служили религиозным кхтарам. Кхтаров давно не было. Их власть рухнула задолго до рождения нынешних поколений. Но некоторые традиции почему-то уцелели.

Возможно, это напоминание о том, что человечество не всегда было свободным, чтобы люди не забывали, какой ценой досталась им свобода, и никогда не принимали её как данность.

На лице Стефана читались замешательство и нерешительность. Возможно, он стеснялся того, что всё ещё не мог нормально ходить и вынужден был передвигаться не на своих ногах, как остальные, а на парящей платформе.

— Кстати, как идёт восстановление? — спохватилась Дана.

— Ну... — Стефан замялся и отвёл взгляд. — Утром мне обязательно нужно в больницу.

Вокруг беседки постепенно собирались люди, смыкаясь в кольцо праздничного хоровода. Над площадкой дрожали прозрачные ленты световых гирлянд; в их мерцании поблёскивали листья лиан, оплетающих резные опоры. Из-за перегородки на мгновение показался изумрудный подол и тут же исчез в тени.

Тамерлан выругался и, тяжело навалившись на платформу Стефана, попытался найти хоть какую-то опору.

— У меня, походу, ща коленки в обратную сторону выгнутся, — выдавил он.

Чёрная ткань маски плотно облегла лицо, скрывая глаза и рот, но Дана всё равно почувдилось, что Тамерлан смотрит на Стефана затравленно, почти с мольбой.

— Слышь, сделай чё-нибудь...

— Что, прости? — Стефан растерялся от такой неприкрытой паники.

— Ну ты же этот... как его... — Тамерлан нервно дёрнул плечом. — Мозг поймей короче. Стефан моргнул.

— Я не...

— Да не в этом смысле! — Тамерлан почти зашипел, понизив голос. — Внуши мне какую-нибудь радостную фигню. Ты же телепат. Залезь ко мне в башку, чтобы я тут не обоссался от страха прямо в штаны, а сидел и радугой плевался. Ну не знаю, блин, придумай что-нибудь. Ты же спец!

— Хорошо, только успокойся, — выдохнул Стефан и медленно прикрыл глаза.

Тамерлан сразу почувствовал, как от Стефана отделилась тяжёлая энергетическая волна и двинулась к нему. Первым порывом было отступить, сбросить чужое влияние ещё на подлёте, но он только стиснул зубы и позволил этой силе накрыть себя.

К его удивлению, стало легче. Не сказать, что Тамерлан пришёл в восторг от того, что мозгоправ залез ему в черепушку, но сейчас он вынужден был признать: мандраж его почти доконал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.